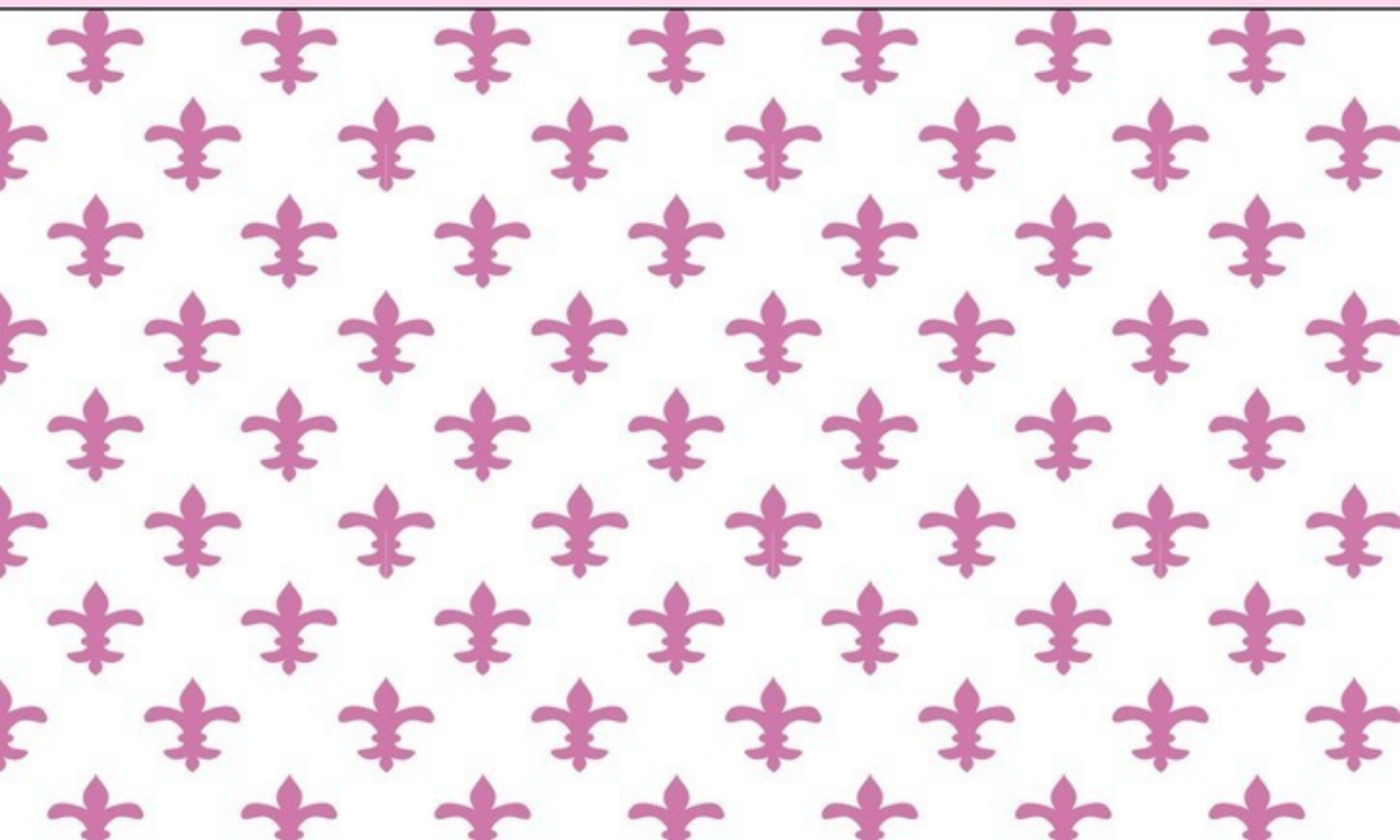

Александр Беляев

Третий фактор

Хроники затомиса

Александр Беляев

Третий фактор. Хроники затомиса

«Издательские решения»

Беляев А.

Третий фактор. Хроники затомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835393-2

Окончательная развязка всей истории, описанной в 11 книгах цикла. Главной героине предстоит встретиться с необычным противником, в противостоянии с которым у ней, кажется, нет никаких шансов на победу.

ISBN 978-5-44-835393-2

© Беляев А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мерцающая	6
ГЛАВА 1. Изгнанные из рая	6
ГЛАВА 2. Вылазка в сновидение	14
ГЛАВА 3. Нифилим (несколько ранее)	23
ГЛАВА 4. Падшие ангелы	35
ГЛАВА5. Блокировка и выход	42
ГЛАВА 6. Снова у моря вечности	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Третий фактор Хроники затомиса Александр Бе́ляев

© Александр Бе́ляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5393-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мерцающая

ГЛАВА 1. Изгнанные из рая

Мерцающая сидела на ровной смотровой площадке, которой венчалась священная гора Сион, и без всякой оптической техники наблюдала за передвижениями двух маленьких фигурок там, внизу, среди плодовых деревьев и кустов небольшого оазиса, специально разбитого для того, чтобы двое перволюдей не страдали от жары и всегда были обеспечены фруктами, овощами и водой: они еще не умели добывать «хлеб свой насущный в поте лица своего». Для создания этого изобилия на песке и голом камне Мерцающей так же пришлось прибегнуть к помощи алхимии, как и к созданию этих перволюдей, шельты которых уже немалое время были обличены в плотные одеяния физических тел. Эти человеческие оболочки хоть и повторяли общие очертания шельтов эдемских существ, в целом казались гораздо грубее и неказистее, как облачко в сравнении с камнем похожих очертаний. Кстати теперь, под лучами жаркого солнца, воплощенная на земле пара огрубела еще больше, как нежная салатная майская листва в июле обретает темные а позже даже бурые тона, и от бывшей нежности не остается ни следа. Да и с точки зрения современных критериев ни лица, ни тела их не отличались особой красотой, мощью, или гармонией.

Все это Мерцающая легко могла разглядеть даже с расстояния в несколько километров, поскольку управляла земным зрением, словно несуществующим пока на земле оптическим прибором, причем гораздо более совершенным: по мере необходимости она легко могла превращать свои глаза то в телескоп, то в микроскоп.

Собственно, почему «Мерцающая»? Нет, ее вероятностное мерцание и неопределенность появления в пространстве Энрофа была уже преодолена особой санкцией Логоса Шаданакара, правда считала она себя лимурийцем Иего, не Иеговой, и не Аней Ромашовой, поскольку вся информация далекого будущего не была еще проявлена в этом сознании. Да и имя это ей сейчас вряд ли бы подошло, поскольку Анин шельт, как было подробно описано в предыдущей книге, пребывал в теле огромного андрогина, отчасти напоминавшего человека, отчасти – динозавра с одухотворенным и антропоморфным лицом. Сознание Ани находилось в этом теле уже пару десятков земных лет, и считало его своим изначально, правда порой не соизмеряло гигантскую силу этого огромного тела с теми тонкими движениями и действиями, которые ему приходилось осуществлять. В общем и гипотетический наблюдатель узнал бы в этом великане лимурийца Иего, но в действительности человек-динозавр был уже не совсем тем, кем прежде, хотя большая часть умений и возможностей демиурга оставалось в этом существе в потенциальном состоянии в виде энерго-информационного пакета-вставки. Эту вставку этап за этапом Аниному шельту пришлось открывать и осваивать этап за этапом, после того, как она осознала себя не только внутри нечеловеческого тела (это ей приходилось и раньше, осознавая себя Аней), но и как бы заново в нем родившись, когда тело ощущается уже неотъемлемым от души. Аня ничего не помнила из своей «прошлой-будущей» жизни, подробно изложенной в предыдущих книгах, но, как известную нам героиню, ее все время мучило чувство, что она что-то знала, но забыла, что была кем-то другим, но не помнит кем. Зато ей была хорошо известна чрезвычайно долгая биография почти бессмертного лимурийца, с которым она все же не ощущала полной идентичности, сама не понимая почему. С одной стороны она чувствовала, что как личность – все же не совсем Иего, но и о том, что ее душа принадлежит Ане Ромашовой из далекого будущего не знала ничего. Оставалось только Анино «Я», лишенное всех фактов известной нам жизни. И все же, не желая окончательно запутать читателя хитросплетениями земного и метафизического, оставим за комбинированным существом

условное имя «Мерцающая», хотя те два человека, сновавшие внизу между деревьев оазиса, называли ее отцом или отче. И это несмотря на то, что она, сама не понимая почему, осознавала себя скорее существом женского пола, хотя телесно не имела половых признаков. С этим она давно свыклась, хоть в душе ее и оставалась некоторая тень недоумения, не без основания относимого ею к области непонятной амнезии, которую она считала болезнью. Да, она была демиургом-иерофантом, была способна осуществлять невообразимые с точки зрения человека вещи – а с собственными проблемами памяти ничего не могла поделать.

Итак, ближние и дальние окрестности Сиона уже более двадцати лет были заселены современными животными, каждой первой паре из которых Мерцающая в свое время создала алхимические (в современной терминологии генно-инженерные) тела. Животные эти уже успели размножиться и постепенно расширяли ареал обитания, выискивая лучшие условия существования. Увы, их облик и поведение так же далеко не соответствовали тем милым, игривым чудесным животным, с которыми мы познакомились в Эдеме – семя эйцехоре меняло их моральный облик все сильнее и сильнее изнутри, а естественный отбор трудился над внешним обликом: коварство и жестокость обзавелись, помимо сильных мышц, острыми зубами и когтями, а чувство самосохранения, все больше обретая очертания трусости, – быстрыми ногами и верткостью. Эти два вектора – внешний и внутренний – с обеих сторон, как охотникам, так и жертвам, обострили все 5 материальных органов чувств и нематериальную интуицию. В общем каждый находил свою экологическую нишу, чтобы лучше других питаться и успешно размножаться, плодовитость компенсировала высокую детскую смертность, и хищники уже не грозили травоядным полным уничтожением: вполне хватало тех, более слабых, больных и менее быстрых, которых неумолимый естественный отбор отправлял им в пищу, заботясь только о постоянном совершенствовании как средств нападения у хищника, так и средств защиты у жертвы, таким образом осуществляя необходимую регуляцию численности. Впрочем все это Мерцающая видела больше в перспективе, и пока наблюдались лишь зачатки этого процесса.

Да, все происходило совсем иначе, чем планировал лимуриец Иго, создавая мини-реальность своего личного творческого мира, и Провиденциальный план, бесчисленный раз скорректированный, уже не напоминал картину милого Эдема, распространенного на физический план земли. Но обратной дороги не было, и предстоял труднейший путь по лезвию бритвы, где крупницы добра, лелеемые демиургами, должны были выжить, укрепиться и взрасти ростком, со временем превратившись в мощное дерево, используя слабые стороны, просчеты и междоусобицу воинства Гагтунгра, чтобы в конечном счете трансформировать их самих. И все это несмотря на кажущееся на первый взгляд многократное превосходство последних.

Впрочем до этого было невообразимо далеко, животный мир уже давно был предоставлен самому себе: ничего не поделаешь, вернуться к его усовершенствованию предстояло в далеком будущем, когда удастся в значительной мере выпестовать главный объект на этой планете: разумное человечество, представленное пока лишь этими двумя маленькими фигурками, снующими между зелеными насаждениями оазиса. Принцип эволюционного авангарда или растущего побега никто не отменял, и вся творческая энергия Создателя уходила прежде всего на поддержание существования этих двух хрупких существ, ведь иначе они бы давно уже погибли от зубов и когтей хищников, рогов и копыт сильных травоядных или от жажды и голода, в раскаленной пустыне Синайского полуострова (существование оазиса поддерживалось магией Мерцающей. Недавно она узнала (информация из информопакета, оставленного Иго, раскрывалась поэтапно), что помимо ее двух человеческих питомцев, на земле по меньшей мере существует еще одна пара перволюдей, проживающая под патронажем атланта Тора где-то в районе горного Алтая – и этим двум парам предстояло встретиться – но не раньше, чем у Адама и Евы появится потомство, а его все не было и не было, и причину этого сбоя Мерцающая, несмотря на доступность любой информации, пока не могла установить.

Необходимость такой встречи – собственно даже не этих двух пар, а их детей, Мерцающая осознала после того, как изучила законы биологического воспроизводства у животных. Оказалось, что брак между братом и сестрой крайне не желателен, и ведет к постепенному вырождению рода в перспективе, в силу накопления генетических заболеваний – неизбежный результат встречи идентичных генов в хромосомах. Естественно, этот нежелательный факт в дальнейшем должен обрести моральный базис – табу, запрещающее половой контакт между братом и сестрой, детьми и родителями. Но потомства у Адама и Евы пока не было, и как мы уже говорили, причину их бесплодия Мерцающая никак не могла определить. К тому же магически или на уровне генной инженерии в процесс воспроизводства она не имела права вмешиваться – этого не позволяло Великое равновесие, до тех пор пока его не нарушил Гагтунгр, а он, как назло, давно его не нарушал и вообще ничем не выказывал своего существования.

– Странно, – думала Мерцающая, рассеянно глядя на зеленый островок, приютившийся у подножия горы, – уж ему-то, Гагтунгру, должно быть выгодно, чтобы люди наконец начали увеличиваться количественно, как это прекрасно происходит у животных, ведь его дальнейшие планы возможно осуществить лишь тогда, когда люди начнут активно размножаться, или я чего-то не понимаю. А информация – заблокирована.

Отвлечшись от своих мыслей, Мерцающая решила пообщаться с Адамом и Евой, которым, похоже, надоело бегать под деревьями и они уселись под раскидистой смоковницей о чем-то раздраженно переговариваясь. Мерцающая бы легко могла подслушать их разговор и с этого расстояния, но почему-то не стала этого делать, хотя в последнее время посещала своих питомцев все реже и реже. Рано или поздно перволюди должны были начать самостоятельную жизнь, полностью избавившись от опеки демиурга, и начать добывать в поте лица своего свой хлеб насущный, но это возможно было сделать только тогда, когда Мерцающая убедилась бы, что их жизненные обстоятельства разворачиваются согласно провиденциальному плану, запечатленному на лепестках цветка Нихрод – информационной матрицы грядущей цивилизации. Пока же все складывалось несколько иначе, и пара бы просто не выжила без магической помощи Мерцающей, существующей в теле демиурга-лимурийца.

Она подошла к краю площадки, оделась грозовой тучей и медленно поплыла вниз, к зеленому оазису, где под развесистой смоковницей раздраженно переговаривалась первая супружеская пара на земле. Уже много лет с тех времен когда Адам с Евой вышли из младенческого возраста, Мерцающая не появлялась им в своем истинном облике человека-динозавра, чтобы у перволюдей сформировалось правильное эстетическое чувство. Первое время – в младенчестве и раннем детстве – она, при появлении, внушала им образ грозного израильского Бога-пантократора, выглядящего вполне человеком, только гигантского роста, поскольку в священной книге Библии, которая появится на земле много позже, должно закрепиться представление о возможном облике Божества, и где будет фигурировать фраза, что Господь создал людей по своему образу и подобию, дабы у потомков Адама и Евы сформировалась мысль о том, что они божьи люди, а, допустим, не дьявольские. В дальнейшем же, по мере того, как пара росла и взрослела (уточним, что алхимические тела прошли все фазы развития из одной клетки в специальном инкубаторе и развивались как обычные человеческие организмы), гипнотическое влияние на их сознание становилось все менее желательным, поскольку Адам и Ева прочно должны были вращаться в законы существования плотно-материальной среды, и в перспективе стать полностью самостоятельными. Именно поэтому Мерцающая уже много лет (правда все реже и реже) появлялась перед ними окутанная вполне реальным облаком, показывая им через треугольный размыв свой всевидящий глаз. Вначале это несколько пугало ее питомцев, но затем они к этому привыкли, младенческие воспоминания стерлись, и они постепенно стали считать глаз внутри облака истинным обликом их Создателя.

Итак, Мерцающая в плотном грозовом облаке плавно спикировала вниз и зависла в воздухе рядом со смоковницей, под которой лениво развалились Адам с Евой, укрытые импро-

визированной одеждой из плотных пальмовых листьев, которые хотя бы частично уберегали от прямых солнечных лучей.

– Здравствуйте, дети, – обратилась она к своим давно уже взрослым воспитанникам, которые, впрочем, вели себя во многом как дети, благо по прогнозам Провиденциального плана жить им предстояло более девятист лет – так что двадцать лет земного телесного существования были совсем еще детским возрастом в сравнении с почти тысячелетней жизненной перспективой.

– Здравствуй, отче, – нехотя вразнобой отозвались Адам с Евой, словно они и не рады были своему Создателю, хотя не видели его уже несколько месяцев и раньше всегда встречали оживленно, поскольку их положительные эмоции подкреплялись мелкими подарками, которые, впрочем быстро тем надоедали.

– Что, устали? – натянуто спросила Мерцающая. Она вдруг почувствовала волну отчуждения, чего ранее никогда не наблюдалось. Впрочем, чего удивляться – ее визиты случались все реже и реже, да к тому же, как можно разумным существам любить облако с глазом посередине? Ничего, это даже к лучшему, рано или поздно их все равно придется избавить от опеки, но к тому времени они должны стать гораздо самостоятельнее и инициативнее. Надо будет несколько снизить урожайность оазиса, пусть им будет не хватать естественно произрастающих фруктов и овощей – пусть сами догадаются сеять и возделывать поле, как это предусмотрено в провиденциальном плане. Тогда к тому же у них будет меньше свободного времени на бессмысленное лежание под деревом и переругивание друг с другом (в последнее время наша пара все чаще и чаще ссорилась, словно бы переживая супружеский кризис).

– Да ничего не устали, – несколько раздраженно ответил Адам, – скучно...

– Но я показал вам столько спортивных игр и упражнений, – удивилась Мерцающая, – они необходимы для развития мускулатуры и поддержания хорошей физической формы. Это необходимо проделывать ежедневно по несколько часов. Тонус вашей мускулатуры заметно ослаб в последнее время.

– А зачем? – зевнул Адам, – кому нужна хорошая физическая форма, если здесь ничего не происходит и каждый день одно и то же? Никаких форс-мажоров, никаких опасностей, никакой романтики!

«Похоже, я переборщила с охраной их безопасности и благополучия, – подумала Мерцающая, – от болезней они защищены мощным иммунитетом, еды и питья у них пока вдоволь, какие-то природные катаклизмы допускать пока рано – к борьбе со стихией они пока не готовы. Может я зря установила отпугивающие приспособления вокруг оазиса, боясь, что их могут загрызть хищники и забодать быки? Может пора допустить некоторый риск и непредсказуемость в их безмятежное существование, ведь они уже достаточно взрослые? Но тигры и львы очень сильны и опасны – с ними им никогда не справиться, да и быки в своей ярости не лучше! Конечно, если я слишком активно буду контролировать ситуацию, они никогда не научатся борьбе за существование, но предоставить все случаю и естественному отбору тоже нельзя – их всего двое и слишком велик риск, что они не выживут. Возможно надо все же снять полную блокировку периметра, пусть она будет выборочной, видовой, и на территорию оазиса смогут проходить некоторые травоядные – допустим дикие козы и овцы, они не агрессивны, и не крупные хищники – допустим камышовые коты и шакалы. Но в этом случае все же на время придется усилить надзор, а то я расслабилась, пользуясь тем, что люди надежно защищены моей самовоспроизводящейся магией, с ней вообще пора постепенно заканчивать – их жизнь должна этап за этапом перейти в естественное русло, без всякой магии – по крайней мере у первых поколений – пусть до нее додумываются сами Адамовы потомки, иначе не накопят достаточно личной силы.

– Да, действительно, зачем нужен этот спорт? – присоединилась к супругу Ева, – пустая трата времени и сил!

– Как это, пустая? – удивилась Мерцающая, – я же сказал (к ним она обращалась от мужского лица), что спортивные игры необходимы для поддержания физической формы. Тело должно быть сильным, стройным и красивым! Да и потом вам все равно пока больше нечего делать. Если же вы окончательно распуститесь, то быстро ожиреете, станете больными и некрасивыми, и перестанете нравиться друг другу. А в этом случае вас перестанут привлекать плотские утехы и у вас не появятся дети...

– Ну, не знаю, – проворчал Адам, – как на это посмотреть! А может мне вообще толстушки нравятся, откуда я знаю? Тут все равно никого нет, кроме Евы. Пусть она будет хоть трижды красавицей (чего, увы, не наблюдается), но сравнивать-то все равно не с кем!

– Поговори мне еще! – возмутилась Ева, – лучше бы на себя посмотреть! Ты же знаешь, что мы на земле одни, что еще за извращенные фантазии? Было сказано: «Муж да прилепится к жене своей»! Кстати, а зачем вообще нужны эти дети? Я например не вижу в них вообще никакого смысла. Как представлю пеленки, бессонные ночи, невозможность отойти по своим личным делам даже на пять минут! А перед этим несколько месяцев с огромным животом ходить и рожать в муках! Ему-то хорошо, – сверкнула она глазами на супруга, – его дело – не рожать!

– Сунул – вынул – и бежать! – фливорально зарифмовал Адам строчку, – не бойсь, глупая, куда я от тебя в этом оазисе денусь? А вокруг – пустыня на сотни миль, попробуй ка под палящем солнцем от тебя убег! Ты извини, это я просто от скуки болтаю, надоело все.

«Откуда у них эта извращенная информация о детях? – подумала Мерцающая, – я ведь даю им ее весьма дозированно, чтобы не испугать раньше времени? Неужели опять началась активизация Гагтунгра? Ведь и в Эдеме их информированность пошла именно от его едва уловимых внушений. Но я-то пока его ментальной энергии здесь не ощущаю, или он настолько поднатерел в маскировке своих информационных артефактов, что я их принимаю за что-то другое, сугубо местное? А ведь я старалась воспитывать перволюдей так, чтобы у них возникло естественное желание обзавестись потомством! Радость от материнства и отцовства, игрушки, первый лепет, первые шаги, первые слова, хрупкая трогательная незащитность существа, полностью от тебя зависящего! Нет, надо активизировать поиски ментального воздействия противобого! Если удастся их обнаружить – у меня развязаны руки и я получаю право на энергоинформационное воздействие с целью устранения бесплодия. Кстати, еще раз убеждаюсь, что пора им позволить контакт с животным миром: если они увидят счастливых мамаш – козочек и овечек в окружении резвящихся детенышей, возможно они пересмотрят свой взгляд на материнство и отцовство».

Тут только Мерцающую озарила догадка, которая по непонятной причине не приходила к ней в голову прежде: причина их бесплодия – в свободе выбора! Ведь создавая шельты перволюдей, Иего предоставил им неотъемлемое право свободной души самой выбирать свою дорогу, свою судьбу из множества вариантов – то, чего нет у демонического потомства, то, что делает человека уникальным творением с огромным потенциалом. В дальнейшем, как наметено в Провиденциальном плане, это право свободного выбора несколько видоизменится и станет не таким уж однозначным и абсолютным, но у первой пары это качество проявлено максимально, и если они не хотят детей в сердце своем, то их и не будет в действительности, несмотря на вполне нормальную сексуальную активность, присущую людям. Впрочем в последнее время этот процесс у них заметно захирел. Похоже, они действительно надоели друг другу, либо их души все более захватывает лень. Но откуда она? Это вредное качество никак не планировалось Провиденциальным планом. Еще одна улика против Гагтунгра! Что ж будем собирать улики, рано или поздно он все равно попадется с поличным, как бы ни маскировался, и мы получим право чуток подкорректировать закон свободы выбора, без этого, похоже, у них никогда не будет детей!

– Кстати, Отец, – неожиданно ворвался в размышления демиурга-Мерцающей Адам, – мы вот все бегаем и делаем всякие дурацкие упражнения по твоему настоянию, а почему мы не можем летать? Вон, птицы – летают и ты можешь, а ведь сам говорил, что сотворил нас по своему образу и подобию! Откуда такая несправедливость? Мне кажется, что мы и скушать в последнее время стали от того, что летать не можем и торчим столько лет в этом дурацком оазисе. Я понимаю, что пустыню так просто не перейти, я как-то попробовал без твоего ведома выйти за территорию оазиса и понял, что долго под этим палящим солнцем без воды не продержусь – да и укрыться там негде. Но ведь орлы и грифы над нами летают, похоже им ничего не стоит преодолеть эту пустыню. А ведь так хочется посмотреть мир, заморские земли... а вдруг мы с Евой не одни на свете, вдруг где-то там еще люди есть? Да и вообще, вдруг там не так жарко, как здесь, а то от этого солнца даже мозги плавятся!

«Ну вот, – подумала Мерцающая, – новый романтический бред... впрочем, не совсем и бред, когда-нибудь, в далеком будущем их потомки вполне смогут левитировать – по крайней мере отдельные особи, в совершенстве овладевшие магией. Правда это будет очень не скоро, ведь магия – это не их основной путь в отличие от лимурийцев. А предоставить им это искусство на блюде с голубой каемочкой (Опять фразочка из БИВ – Банка Исторических Вероятностей) я не имею права, иначе разрушаются основные принципы формирования их цивилизации, заложенные в матрице. Если они изначально все будут владеть магией, то получится еще одна версия лимурийской расы, к тому же основательно уменьшенная и ухудшенная. Нет, они должны быть совсем другими, и завоевывать этот мир в поте лица своего: возможно они научатся летать и без всякой магии, создавая материальные механизмы и конструкции – БИВ явно сигналил о такой вероятности.

– Увы, – вздохнула Мерцающая гигантскими легкими демиурга, – летать вам не положено по природе. Летать могут только птицы, а вы относитесь к семейству приматов из рода млекопитающих, а из приматов никто летать не умеет, таковы законы биологии. Я же вам все это объяснял, когда вы в школе обучались. – (Был и такой этап в их жизни, поскольку все, что перволюди знали, будучи ментальными фантомами в Эдеме, Иегова стер. Несомненно, демиург имел возможность вложить все необходимые знания в их разум непосредственно, но, согласно Провиденциальному плану, делать этого было нельзя).

– Несправедливо, – пробормотал Адам, – им можно, а нам – нельзя.

– Ничего не поделаешь, каждый вид развивает те качества, которые обеспечивают ему максимальные шансы для выживания. У человека это – высокоорганизованный разум, у птиц – крылья. Именно разум позволит вам выжить в межвидовой конкуренции, ведь и тигры, и львы, и слоны гораздо сильнее человека, но господином земли будет именно человек – и все благодаря его (то есть вашему) разуму. Я же все это на уроках вероятного будущего вам объяснял.

– А почему ты, отче, когда нас создавал – если уж мы избранные и нам предстоит стать господами земли, не дал нам силу слона, зубов льва и крыльев орла, насколько бы проще было бы тогда стать этими господами, и не надо было бы расставлять эти отпугивающие приспособления вокруг оазиса! Мы бы и так легко справились с любым тигром или быком, и жили бы где хотели. Да и тебе насколько бы было меньше хлопот с нами!

«Ишь, как он повернул, – с досадой подумала Мерцающая, – не могу же я им разъяснить принцип разворачивания матрицы цивилизации и формирования Провиденциального плана! Тогда ведь нарушится ткань вероятного будущего, в котором мне, лимурийцу-демиургу нет места. Все эти сакральные знания их потомки должны будут обрести в далеком будущем и собственными усилиями», – вслух же она сказала:

– Если вы будете физически совершеннее и сильнее всех остальных животных, то ваше главное преимущество – разум не будет развиваться в постоянной борьбе за выживание и вы быстро скатитесь до остального животного мира – я объяснял вам главные принципы эволюции и естественного отбора. К тому же сочетание высокого интеллекта с большей, чем у осталь-

ного животного мира силой и ловкостью, при отсутствии альтруистической морали, неизбежно приведет к вымиранию других живых существ. Нельзя какому-то виду давать слишком большие эволюционные преимущества, иначе он займет все экологические ниши. Это не имеет значения, пока вас только двое, но станет первостепенно, когда людей станет легион, а желание господствовать подавит все нравственные императивы, которые я в вас упорно вдалбливаю.

– Тем более, – огрызнулся Адам, – зачем тогда дети, если из них в дальнейшем образуется человечество, которое столь опасно для животного мира!

– А вот потому-то вам и не даны сила слона, зубы льва и крылья орла! Есть законы природы, которые не зависят от наших прихотей, но именно благодаря этим законам все еще существует вселенная. Если вы хоть немного заботитесь о будущем, о ваших потомках, о человечестве, о котором мы с вами битый час ведем беседу, вам необходимо иметь детей, я же вам подробно объяснял, каким образом происходит зачатие!

– Ну да, тычинки и пестики, – хмыкнул Адам, – я, между прочим, уже не первый год Евке ее пестик опыляю, только толку-то... наверное с этим пестиком что-то не так...

– Или с твоей тычинкой! – сердито отозвалась Ева.

– В том-то и дело, – пропустила Мерцающая мимо ушей супружеский обмен колкостями, – Создатель в моем лице вложил в вашу природу право свободы выбора, и это осуществляется неукоснительно: пока вы сами детей не хотите, их у вас и не будет. Не все объясняется чисто биологическими законами, есть еще законы энергоинформационные, метафизические, сакральные. Их вам пока еще рано изучать.

– Понятно, – расцвел ехидной улыбкой Адам, – как захотим, так и сделаем! Чего же ты раньше не говорил об этом?

– Я рассчитывал на вашу сознательность, на вашу добрую волю. Мне казалось это очевидным, ведь замечательно, когда в семье появляется маленький! И потом – это ваш долг перед отечеством.

– Что еще за отечество? – подозрительно посмотрел на глаз демиурга в облаке Адам, – ты ни о каком отечестве раньше не говорил.

– Это слово у меня случайно вырвалось, – смутилась Мерцающая, – когда человечество возникнет и разовьется, возникнут такие понятия, как «страна», «родина», «отечество», а пока что для вас вся земля – отечество.

– Посмотреть бы на эту землю с высоты птичьего полета, – проворчал Адам, – а то ты все говоришь «земля», «земля», а мы, кроме этого дурацкого оазиса, да гор, да пустыни вокруг ничего и не видели.

– Придет время и вы увидите многие другие земли, – сказала Мерцающая, не вдаваясь в подробности, – есть только одно условие: сначала вы должны обзавестись потомством, желательно хотя бы на первых порах – мальчиком и девочкой.

– Да что ты нас все агитируешь, – раздраженно фыркнул Адам, – мы стараемся!

– А надо, чтобы не только старались, но и хотели маленького.

– Что-то не получается, ну не радуется меня эта перспектива, кстати и Евка того же мнения. А насильно не выходит.

– Но если вы будете знать, что после рождения детей увидите другие края? Ты же говорил, что только об этом и мечтаешь!

– Ну уж не знаю, – вмешалась Ева, – по-моему, если маленький родится, то тогда можно вообще о турпоездках забыть! Это же – конец свободе, куда ж с младенцем на руках отправишься?

– Во-первых, – терпеливо продолжала разъяснять Мерцающая, – дети не так уж долго будут младенцами, и путешествие вам предстоит только после того, как они вырастут и станут помощниками, а не обузой. К сожалению не могу раскрывать всего, что вам предстоит, иначе может нарушиться хрупкая ткань вероятного будущего...

– Вечно ты темнишь, – недовольно сморщилась Ева, – то нам нельзя знать, этого нельзя, одни только оговорки и требования! А мне, может, самой хочется выбрать маршрут круиза! Ты, небось, заведешь в какую-нибудь дыру и бросишь нас там, ты в последнее время постоянно нас бросаешь – крутитесь, как хотите – а там и подавно бросишь!

– Рано или поздно родитель должен предоставить детеныша самому себе, иначе он никогда не станет взрослым и не сможет жить самостоятельно в этом жестоком мире. Рано или поздно и я вас вынужден буду оставить, – устало ответила Мерцающая, – но лишь тогда, когда смогу убедиться, что вы готовы для самостоятельной жизни. И уж в незнакомом месте я никак не брошу вас на произвол судьбы, и поэтому, чтобы быть готовыми к будущим путешествиям, упорно тренируйте свои тело и разум. И помните, что никуда из этого оазиса не двинетесь, пока вас не станет... ну хотя бы четверо... – «Не слишком ли я спекулирую на их желании повидать другие края, – подумала Мерцающая, – Адам ведь прав: насильно захотеть иметь ребенка, и тем более не одного, их не заставишь! Это мы, лимурийцы, полностью подчинили наши чувства разуму, и если знаем, что надо то или иное захотеть, то мы этого и захотим. А им совершенно незнакомо чувство долга, столь естественное для нас. Но почему я думаю о себе в женском роде и меня не отпускает мысль, что я не совсем лимуриец, разве это не тело лимурийца? И почему мне иногда кажется, что я гораздо ближе этим двум коротышкам, хотя прекрасно знаю, что моя природа иная? Может потому, что эта энергоинформационная вставка, из которой я черпаю знания и силы является моей лишь отчасти, ведь и раскрывается она далеко не полностью и не всегда по моей воле. Да, все это странно и некому объяснить, а Планетарный Логос, похоже, совсем обо мне забыл».

– Ладно, – сказала она вслух, – помните, что я вам сказал, преодолевайте свою лень, наращивайте спортивные нагрузки и решайте арифметические задачки в уме. Сейчас мне надо слетать по делам – у меня, помимо вас и других забот по горло, и, надеюсь, к следующему моему визиту вы немного продвинетесь в решении демографической проблемы... – («Что я несу! – возмутился в Мерцающей какой-то другой голос, – достали уже эти словечки из Банка Исторических Вероятностей!»).

– Ыгы – заржал Адам, – и Евка будет немного беременна...

Мерцающая не стал отвечать на этот перл первобытного остроумия, и взвилась в воздух, быстро скрывшись от перволюдей в голубом солнечном небе.

ГЛАВА 2. Вылазка в сновидение

Мерцающая снова вернулась на свой наблюдательный пост, где было сооружено просторное каменное жилище под стать росту десятиметрового лимурийца. Она знала, что проживая на Урании, ее раса никогда не строила материальных зданий, пользуясь тем, что любой лимуриец мог создать для себя оптимальные климатические условия с помощью магии. Но у Мерцающей в облике Иего почему-то всегда существовало желание иметь крышу над головой, поэтому она построила для собственного временного проживания это мегалитическое сооружение, в котором она отдыхала от разнообразных хлопот.

Итак она уселась (коленками назад) на пороге мегалита и по обыкновению задумалась. После сегодняшнего посещения Адама с Евой Мерцающая сформулировала несколько проблем, с которыми в ближайшее время предстояло разобраться, поскольку все сроки были уже нарушены, и паре перволюдей уже положено было стать родителями, а они таковыми становиться упорно не желали. Было ясно, что они каким-то образом получают нежелательную информацию от печального демона, поскольку сама она внушала им прямо противоположное, но ментальных артефактов противобого ей обнаружить никак не удавалось. Да, у них заметно подурнел характер, появился не присущий ранее цинизм и леность, всего этого не могло взяться у них просто так, ниоткуда, дурного влияния им получить на земле было не от кого, значит необходимо было активизировать поиски демонических артефактов, чтобы представить Гагтунгру счет за несанкционированное внедрение в сознание перволюдей, дабы получить санкцию на свое собственное внедрение: похоже ситуация созрела, чтобы чуток подкорректировать закон свободы выбора... хотя бы на самую чуточку, и тогда главная проблема – проблема потомства будет решена. Впрочем, если остается хотя бы минимальная возможность избежать корректировка – лучше ее избежать – все эти ментально-энергетические внедрения даже из лучших побуждений нежелательны, они плохо влияют на карму перволюдей и их в перспективе необходимо полностью исключить. Ну разве что Гагтунгр позволит себе что-то выходящее за рамки договора. И все же непонятно, почему он (если это действительно так) пытается заблокировать рождение детей, ведь и свои собственные планы противобог может строить только имея в наличие достаточно внушительную группу людей, которую уже можно будет именовать человечеством.

Мерцающая еще раз на ментале просмотрела развернутую картину функционирования всех систем Адамы и Евы во времени. Нет, следов воздействия Гагтунгра не видно, а их собственное семя эйцехоре, без которого в данной сложившейся ситуации у них бы элементарно не появилось полового влечения друг к другу, не получало дополнительной подпитки, и, похоже, даже несколько ослабло. Вроде бы придаться не к чему... и все же что-то не так.

Тут только Мерцающей пришла в голову мысль, что может надо исследовать их сознание в другом качественном состоянии, допустим, во сне – возможно ментальные артефакты противобого проявляются тогда, когда сознание Адама и Евы находятся в иной, отраженной реальности, когда оно в замутненном состоянии путешествует по сновидческим сакуаллам? В этом случае ментального следа внедрения может и не остаться, поскольку человек во сне – совсем иная личность, чем в бодрствующем состоянии и частотные характеристики совсем иные. Странно, почему ей раньше это в голову не приходило? Как-то она туго в последнее время соображает, давно уже надо было все варианты рассмотреть.

До наступления ночи оставалось еще несколько часов, да еще неизвестно, когда эти двое утомятся и заснут – а насыпать на них искусственный сон Мерцающая не хотела, тем более ночь – куда более подходящее время для Гагтунгра, поэтому оставшееся время она провела в глубокой медитации, а когда настала ночь, сдвинула точку сборки на восприятие астральной проекции Адама, который по ее расчетам должен был уже спать.

В тот же момент Мерцающая оказалась в ближайшем отражении, копирующим Энроф, подле Адама. Адам лежал все под той же смоковницей (похоже они, лентяи, так и не вставали из под нее), повернувшись спиной к супруге, и над ним колыхался серебристый шар на ниточке, который означал, что Адам пребывает в царстве Морфея и видит сны, при этом на лице его, как у ребенка играла дурацкая улыбка и из уголка рта протянулась тоненькая струйка слюны – как видно сон его был весьма сладок. Смотреть чужие сны было обыденным делом для лимурийца, правда это касалось их взаимоотношений друг с другом в те времена, когда они еще жили единой цивилизацией. Незвано подсматривать чужие сны считалось верхом неприличия, к тому же любой маг, находясь в состоянии осознанного сновидения – а их сновидения всегда были осознанны, сродни медитациям – мог легко заблокировать непрошеного гостя, однако если того требовали особые магические обстоятельства, один лимуриец мог позволить поприсутствовать в своем сне другому – и даже многим. Когда-то это была распространенная практика, но уже много миллионов лет с тех пор, когда каждый лимуриец предпочел совместной жизни собственную отдельную реальность, такая практика не осуществлялась. Теперь же дело касалось иных существ, находящихся по сравнению с лимурийцами в самом начале духовной эволюции, за которыми еще нужен был глаз да глаз, поэтому Мерцающая посчитала себе вправе войти в сновидения ничего не подозревающего Адама.

Она тут же взвилась в воздух, скользя вдоль серебряной нити, соединяющей Адамову Мулладхару-чакру с серебристым шаром, и несмотря на то, что шар с земли казался совсем небольшим, при приближении к нему, он стал резко увеличиваться и вскоре перекрыл весь обзор. Преодолевая едва заметное препятствие оболочки сновидческого шара, Мерцающая проникла внутрь, и в то же мгновение оказалась внутри Адамового сна. При этом ее шельт как бы исчез, оставив в качестве наблюдателя только невидимое сознание Мерцающей, и это означало то, что Адам не мог ее видеть, как участника своего сновидения. Тут Мерцающая поняла, что Адам видит не обычный полуотчетливый сон в основном состоящий из его же собственных мыслеобразов – перетасованных и переосмысленных дневных впечатлений, нет, шельт Адама каким-то непонятным образом угодил в какую-то утяжеленную астральную сакуаллу – объективную тонкоматериальную реальность как бы в виде кольца расположенную вокруг плотно материального ядра – самого Энрофа. И эта сакуалла несла в себе вполне ощутимый демонический заряд, то есть находилась в ведении Гагтунгра – и значит, согласно договору о Великом Равновесии, Мерцающая, как представитель Сил Света, находилась в этом месте незаконно, что могло, в случае обнаружения, привести к определенным санкциям. Что же касается Адама – то его здесь присутствие напротив было вполне законно, хоть и крайне нежелательно для демиурга: наличие семени эйцехоре это вполне допускало.

Мерцающая определила все это попутно и машинально, поскольку место, где она очутилась кому-то по незнанию могло показаться райским. Это был огромный зал словно бы весь изваянный из бирюзы и розового мрамора, который выглядел как помещение дворца какого-нибудь турецкого султана или багдадского халифа, весь переполненный разнообразной эротической атрибутикой восточной роскоши, до появления которой на земле должны были пройти еще тысячелетия и тысячелетия. Вся эта атрибутика – весьма фантастического и гипертрофированного вида – явно была рассчитана на усиление плотской чувственности, хоть ничего грубо порнографического здесь не присутствовало. Никаких изображений, либо скульптур человека или животных в этом зале не наблюдалось, хотя до появления ислама, все это запрещающего, должны были пройти тысячелетия, но все многочисленные причудливые росписи-узоры, пухлая мягкая мебель – всякие пуфики, канапе, кресла, диваны, ложи, альковы дышали невидимой, но почти осязаемой эротикой, которая словно сочилась от любого предмета либо украшения, от формы кресел, перин и подушек, от настенных панно, сплошь покрытых хоть и абстрактными, но почему-то чрезвычайно чувственными узорами, словно это были некие сакральные символы, несущие в себе изначальную эротическую энергию, которая

обретает конкретные формы лишь материализуясь в Энрофе. Посреди огромного помещения, словно бы залитого лунным светом, располагался мраморный бассейн округлой формы, в котором качались маленькие паруса алых лотосов и плавали розовые фламинго, а слегка в стороне возвышался золотой зиккурат, усеченную вершину которого венчал огромный спальный альков, достойный какой-нибудь будущей Клеопатры или Семирамиды, висячие сады которой сами собой плавали где-то под потолком, что объясняло происхождение самых разнообразных лепестков, которыми был буквально усыпан и ложи этого дышащего истомой зала. Все выглядело очень натурально, не по сновидчески отчетливо, и только плавающие в воздухе сады свидетельствовали о ирреальности происходящего. В следующее мгновение сознание Мерцающей было перенесено за занавесь шелково-пухового алькова, достойного брачного ложа Шахрияра и Шахерезады, чья история, впрочем, также очень нескоро должна была быть написана в этом мире. На фантастической перине, сотворенной из какой-то облачной материи, среди таких же причудливых подушек и покрывал сидели двое. Первый был, естественно, Адам в образе то ли греческого героя то ли античного бога, что никак не соответствовало его естественному земному облику: как мы знаем, ни сложением, ни лицом он пока не блистал. Тот же сновидческий образ, каким он себя в настоящий момент воспринимал, казался достойным какого-нибудь Аполлона или Ахиллеса, о каковых наш первый человек естественно не мог иметь никакого представления, ведь кроме себя самого он не видел в этом мире ни одного мужчины, и Мерцающая подумала, что этот облик героя каким-то неведомым образом был почерпан Адамом из Банка Исторических Вероятностей. Рядом с ним сидела женщина, но это была не Ева, Мерцающая даже не сразу поняла, кто это такая, тем более женщину эту хорошо знал лично Иего, но ни разу не встречала душа, в настоящее время управляющая телом лимурийца. Женщина эта никак не походила на одну из жен-наложниц султанского гарема, нет это была царица, самодержица – отнюдь не юная – но в самом расцвете зрелой красоты, женщина которой самой было положено иметь гарем юных любовников, с печатью утонченного порока в обостренных хищно-тигриных чертах все познавшей демоницы. Тело ее было смугло, формы выдающиеся, но, несмотря на черноту глаз, волосы ее оказались светло-пшеничного цвета, и определить национальную принадлежность не казалось возможным, словно бы она впитала черты женщин всех рас и народностей. Впрочем о каких народностях может идти речь в случае первой женщины, которая так и не была воплощена на земле во плоти. Перед Мерцающей сидела никто иная, как Лилит, первая, несостоявшаяся жена Адама, сама впоследствии выбравшая себе господина – печального демона Гагрунгра. Внешность ее сильно изменилась, правда мало ли как она могла явиться Адаму во сне, возможно она выглядела так, как Адам в своих романтических фантазиях представлял себе женский идеал – прямую противоположность скромной простушке-«хозяйке» Еве, с которой опять же некого было сравнивать. Мерцающая поняла, что несмотря на то, что сознание Адама было дважды подчищено в Эдеме, какой-то след памяти о его первом неудачном опыте все же остался, и судя по тому, как он смотрел – узнавая и не узнавая свою «первую любовь» – было видно, что чувства его вспыхнули с новой силой, хоть все это и происходило вроде бы во сне. Однако одного взгляда древнего исследователя-творца иных пространств, иных измерений было достаточно, чтобы Мерцающая поняла: сейчас Адам находится в совершенно ясном сознании, и этот сон-путешествие в астральную реальность одной из сакуалл он будет прекрасно помнить после пробуждения, причем не столько как сон, сколько как путешествие.

Как бы отвечая на ее мысли, продолжая восторженно смотреть на едва прикрытое какими-то невесомыми, прозрачными тканями тело Лилит (это делало ее еще более обольстительной, чем обычная нагота), Адам впервые подал голос, и Мерцающей было непонятно, продолжение ли это давнего разговора, или наш герой только сейчас попал в этот восточный альков.

– Неужели это сон, – сказал он мечтательно, – сколько раньше видел сны – никогда ничего подобного не видел, и вот уже третью ночь подряд попадаю к тебе. А ведь и раньше я тебя нередко во сне видел, хотя днем об этом почти всегда забывал, но тогда это были обычные сны: все так смутно и не по-настоящему. Да и ты была совсем другая, словно бы без лица. И когда мы с тобой занимались любовью – все тоже было не по-настоящему, очень бледно... в конце концов ты могла вдруг превратиться в Еву, или еще в кого-то, кого я не знаю, и я не помню, что говорил тебе и что ты мне говорила. Неужели и сейчас все будет так же? Нет, хоть сейчас мы и во сне, я хорошо осознаю, что наши две последние встречи я помнил наяву так, словно все происходило на самом деле. Я даже тогда боялся, что Ева как-то сможет об этом узнать и устроит мне скандал, хотя как она сможет узнать? Это же сон.

– В действительности это не сон, – раздался низкий грудной голос затаившейся тигрицы, только ты пока все равно не сможешь понять, что это такое. Ваш, с позволения сказать, Создатель, тщательно оберегает от вас эти знания, но я, вовремя сбежав из Эдема, все тайные знания получила от... впрочем тебе не нужно знать, от кого я их получила. Вернее это не просто знания, это владения силами, власть и свобода перемещения... по крайней мере по тем слоям иной реальности, в которые еще не перекрыл доступ ваш демиург. Он всячески пытается запретить нас в единственном участке вселенной, поскольку уничтожить не в его силах, однако у меня есть заступник и ему есть что противопоставить вашему Создателю.

– Я мало что понял, – вздохнул Адам, – мне иногда кажется, что я тоже родился не на земле, и до рождения жил в каком-то другом, прекрасном месте, но мне сейчас и не так важно, понимаю я тебя или нет, просто хочется слушать тебя и слушать. Ты вот сказала «Эдем», а кажется, что мне это слово знакомо и связано с тем местом, которое я знал, но забыл.

– Это как раз название того места, в котором, как тебе кажется, ты жил раньше, и откуда ты был изгнан твоим пресловутым Создателем. Я когда-то тоже там жила, и сейчас скажу то, чего раньше не говорила: там я была предназначена стать твоей первой женой, но в отличие от твоей нынешней земной жены, не была создана из твоего ребра. Это-то вашему Создателю впоследствии и не понравилось, поскольку я не желала никому подчиняться, а Иегова считал, что «жена да убийтца мужа своего», как это в далеком будущем запишут в так называемом Священном писании. А я никого не боялась, я была свободной, эмансипированной женщиной, поэтому при первом удобном случае сбежала из Эдема. Что ж, мне совсем не жалко его, – (тут в голосе Лилит Мерцающая почувствовала неуверенность), – мой новый покровитель дал мне магические знания и силы, а теперь к тому же я имею и собственную планету, которой повелеваю.

– И что это за планета? – Адам не сводил со своей несостоявшейся супруги влюбленных глаз.

– Ты каждую ночь видишь ее на небе, – улыбнулась Лилит, – это Луна, серебряная планета.

– Ух ты! – восхитился Адам, – я действительно каждый день ее вижу. Правда она такая маленькая. Хотя Создатель говорит, что на самом деле она большая, просто находится очень далеко. Но мне в это трудно верится. По ночам я часто на нее смотрю, и мне становится и грустно и сладко, и я понимаю, что совсем не люблю свою жену Еву, а люблю другую, неведомую. Теперь все понятно: эта неведомая – ты, и не случайно именно луна вызывает во мне такие чувства – оказывается ты там живешь, но мне никогда не удавалось там тебя разглядеть, как впрочем и кого-то другого. Хотя ведь это далеко и тебя просто на таком расстоянии не видно.

– Глупыш, – снисходительно улыбнулась Лилит, – Луна действительно так далеко от Земли, что не только человека, но и большую гору ты не смог бы там разглядеть. Впрочем, если бы даже у тебя было настолько острое зрение, от ты все равно не смог бы меня там увидеть обычными глазами.

– Это почему?

– Потому что я не имею плотного тела... пока.

– Но я же тебя сейчас вижу и прикасаюсь!

– Это потому, что ты сейчас находишься в состоянии астральной проекции и видишь другую, неземную реальность. Твое плотное тело лежит под смоковницей, ничего не чувствует и не видит – видит меня твоя душа, твой шельт.

– Ничего я не понял, – вздохнул Адам, – ты так непонятно говоришь. Ты, похоже, не только самая красивая, но и самая умная... и все же объясни как-то попроще.

– Чтобы это правильно понять, нужны знания, которых у тебя нет, а если быть точнее, то ты мог бы их иметь, но твой Создатель их от тебя скрывает. Он не хочет, чтобы ты овладел знаниями, которые хоть в какой-то мере делали бы тебя равным ему. Это ведь знания, которые делают равными людей и богов. Если в двух словах, то у меня нет такого тела, как у тебя, но есть душа, и эти две наших души сейчас сидят напротив друг друга и разговаривают.

– Очень трудно понять... выходит, я на самом деле – не я, а нас как бы двое... но я этого никак не ощущаю, в это невозможно поверить.

– Понимай, как хочешь, в действительности это не совсем так, – внимательно посмотрела на него Лилит, – твоё плотное тело – что-то вроде одежды, а ты настоящий – это то, что сейчас. Ты же во сне – не тот, что в бодрствующем состоянии? Так вот, этот, второй, во сне и путешествует, а первый валяется под смоковницей, словно сброшенная одежда.

– Да, дела, – протянул Адам, – никогда бы не поверил. Впрочем я никогда об этом и не задумывался, во сне же я действительно вижу себя совсем другим, чем на яву! И как это мне раньше в голову не приходило? Это действительно все объясняет. Значит теперь я владею знаниями, которые делают меня равным Создателю?

– Что ты, глупыш, – словно бы со снисходительным умилением посмотрела на своего визави Лилит, – это только маленькая крупица, чтобы получить сакральные знания в полной мере надо учиться много лет, даже не знаю, хватит ли на это тебе всей жизни!

– Но ты же их имеешь, хотя, получается, что мы были созданы в одно время и тебе столько же лет, сколько и мне!

– У меня был другой наставник, и он ничего от меня не скрывал, в отличие от твоего, и он не боялся, что я стану равной ему. И потом все это время я упорно училась и практиковалась. Ты же впустую потерял столько лет, изучая всякую дурацкую ботанику и географию, как ты мне в прошлую встречу говорил. Впрочем я пока не равна богам, но стать им равной – цель моей жизни. А у тебя есть цель, Адам?

– Цель? – смущенно протянул первочеловек в образе Ахилла, – не знаю, наш наставник ничего об этом не говорил, он каждый раз ставит нас перед фактом: нужно то, нужно это, а зачем – толком ничего не объясняет. Сейчас от постоянно требует от нас с Евой, чтобы мы завели детей, а мы не хотим детей, это такая обуза! А Создатель все время твердит, что дети – так замечательно, такое счастье! Но по-моему он нас обманывает, правда, зачем наши дети нужны именно ему – я не знаю. В последнее свое посещение он вдруг сообщил нам с Евой, что у нас нет детей именно потому, что мы их не хотим – есть оказывается такой закон свободного выбора – а как только мы их захотим, они тут же у нас появятся. Кстати этот закон порадовал: никогда я этих детей не захочу, и Ева, я знаю, не захочет, а значит мы можем оставаться мужем и женой, не боясь, что у нас появятся дети. А у тебя что, другое мнение? – глянул он на Лилит с тревогой, поскольку, очевидно, заметил в ее глазах выражение, с которым взрослые смотрят на детей, слушая их наивную болтовню.

– Как ты можешь судить о том, чего никогда не испытывал, – мягко упрекнула она Адама, – дети – прекрасно... но дело не в этом, ты и Ева не хотите детей не потому, что они обуза и помеха... все дело в том, что вы друг друга не любите!

На некоторое время Адам замолчал, словно прислушиваясь к себе, затем опустил голову.

– Наверное ты права, – сказал он с таким видом, словно признался в чем-то таком, что должно расстроить Лилит, – я ее действительно не люблю, и тело ее давно уже перестало меня волновать так, как раньше. Но мне казалось, что это не связано с нежеланием иметь детей, а с тем, что это обуза, да к тому же Ева после этого совсем перестанет мне внимание уделять, она и сейчас-то не очень...

– Так значит тебе все же важно, чтобы она тебе внимание уделяла и о тебе заботилась? – словно бы с мягким упреком сказала Лилит, – а я думала...

– Нет, что ты, тут дело не в любви к ней, просто одиноко и скучно! Нас и так-то всего двое, а оставаться совсем одному – еще тяжелее!

– Вот видишь, – сказала Лилит, – тебе одиноко и тебе нужна забота! Не важно, любишь ли ты свою жену или нет. Все дело в том, что ты – эгоист, Адам, ты любишь только себя, поэтому и не хочешь иметь детей. Жалуешься на одиночество, а дети, между прочим, лучшее лекарство от одиночества и заикленности на себе. Ну и конечно женщина, которая должна стать матерью твоих детей, должна быть тобой любима, а любить – это когда ты живешь не ради себя, а ради любимого, и не свое благо, а благо любимого – твоя высшая цель! Ты даже готов отдать жизнь за него, ничего не требуя взамен – вот что такое любовь, а ваши взаимоотношения с Евой – ты уж прости меня за откровенность – никакого отношения к любви не имеют, просто вам некуда деваться друг от друга, а полное одиночество – еще хуже этого печального союза. Но это не ваша вина, а ваша беда, во всем виноват ваш создатель Иегова, мог бы позаботиться, вас создавая, чтобы вы лучше подходили друг к другу, имели хотя бы психологическую совместимость, а это его, похоже, совсем не волновало. Либо он просто плохой Создатель... – Лилит смотрела на Адама со всей серьезностью и сочувствием, но Мерцающая, внимательно наблюдая за этой сценой и слыша нелестные отзывы в свой адрес (по крайней мере она считала, что в свой), понимала, что все это спектакль... правда какова цель всего этого? Тут Лилит, словно подозревая, что за ней наблюдает кто-то невидимый, тщательно заблокировала свои мысли, и Мерцающая никак не могла пройти за этот блок, что очевидно было связано с тем, что демоница находилась на своей территории, Мерцающая же была здесь непрошеным гостем, можно сказать – незаконно. Впрочем она понимала, что Лилит преследует какую-то свою главную цель и к Адаму испытывает не совсем понятные противоречивые чувства, хоть они и не являлись главными в этом спектакле, который простодушный Адам принимал за чистую монету.

– Ну, почему плохой Создатель, – опустил Адам голову, – он о нас заботиться... особенно раньше заботился, учил нас всяким наукам, объяснял, что такое добро и зло... правда последнее время он нас редко посещает, говорит, что очень занят. Знаешь, ты так хорошо говоришь о любви! Мне кажется, что если бы на месте Евы была ты – все было бы по-другому, я бы и вправду готов был за тебя жизнь отдать и всю жизнь тебя на руках носить. К тому же... да, я это отчетливо чувствую – я бы очень хотел иметь от тебя ребенка! Как жаль, что все это только во сне, а когда проснусь – не увижу тебя рядом, и буду понимать, что наша с тобой страсть происходила во сне и все это не по настоящему! И еще – что у нас никогда не будет детей... это ужасно, лучше вообще никогда не просыпаться! Скажи, а ты чувствуешь ко мне то же, что и я к тебе? Ведь все, что ты мне говорила, невозможно придумать, это можно только почувствовать... ты любишь меня, Лилит?

– Ты все сам сказал, глупенький, – мягко улыбнулась демоница, внимательно глядя в глаза Адаму, – если бы не любила – разве привела бы тебя сюда из твоего сновидения? Иногда мне кажется, что я напрасно сбежала тогда из Эдема, я ведь ни на минуту не забывала о тебе, милый!

– А тот, другой, имени которого ты не называешь, который научил тебя всему тому, чего я не знаю и не умею – разве ты не его любишь?

– Глупенький! Как можно любить исполина?! Перед ним можно склоняться, можно (если он того захочет) быть игрушкой в его руках! Но любить его... он ведь сам никого не спосо-

бен любить, это – слишком мелко для него! – (Мерцающая чувствовала, что в словах Лилит не только ложь, но что правда причудливо с ней переплетается, и в ее интерпретации они словно бы и не противоречили друг другу, а вместе – служили главной цели, которую Лилит тщательно скрывала в своем сердце) – его цели грандиозны, он подчинил им все свои чувства! Я для него – так, соратница, слабая подруга по борьбе с нашим общим врагом, но любить его – все равно, что любить гигантский памятник! Нет, любить можно равного, любовь – это маленькое, домашнее, только твое и ничье больше, как родившийся младенец, который никому, кроме тебя не нужен, и погибнет без твоей ежеминутной опеки. О Адам, ты такой трогательный, такой внимательный, я так хотела бы иметь от тебя детей, но увы, это невозможно, у меня ведь нет того, что есть у тебя – плотного тела. Да и страсть в астрале... увы, все это не настоящее, имитация, в этой страсти невозможно зачать ребенка! Что толку в этой роскоши, в этих альковах – махни рукой, и все тут же исчезнет!

Лилит сделала ленивый жест, и чудесный восточный зал плотской любви исчез в одно мгновение. Они очутились посреди каменной пустыни под черным, как уголь, небом с холодными немерцающими звездами. Лилит не обманывала, они действительно находились на луне, а вернее – в ближайшей сакуалле к лунному Энрофу.

– Вот, погляди, – указала она в сторону огромного голубого шара, висящего низко над горизонтом, – твоя земля, где ты так одинок и несчастен. Твое тело сейчас находится вон там, – она указала на маленький язычок, встроенный между двумя гигантскими материками, Африкой и Азией, – а рядом с твоим спящим телом лежит та, другая, которая может, но не хочет того, чего так хочу, но не могу я – иметь от тебя ребенка. О Люцифер, как это несправедливо! Впрочем, – добавила она, взмахнув рукой, после чего вновь возник зал с гигантским альковым, – уютней все же в этой ментальной имитации будущего восточного гарема, который когда-нибудь возникнет на земле, что, как ни странно, почти целиком и полностью зависит от тебя, мой друг.

Лилит с показной горечью замолчала и отвернулась от Адама, словно чего-то ожидая.

– И ничего нельзя сделать? – почти в отчаянии спросил Адам, глядя влюбленными глазами на роковую женщину, – может я упрошу Создателя сделать тебе плотное тело, как он, по его рассказам, сделал его нам с Евой. Я объясню ему, что мы с Евой все равно не любим друг друга и не сможем иметь детей, а с тобой... с тобой... если он, конечно, свою аппаратуру не уничтожил, он как-то говорил, что создает алхимические тела один раз, а в дальнейшем – что животные, что люди – сами должны плодиться и размножаться. Говорил, что повторный акт творения не предусмотрен... правда почему, я не понял.

– Вряд ли он тебя послушает, – грустно сказала Лилит, – но попробуй, может он поймет, что иначе его планы по возникновению человечества никогда не осуществляются. Правда даже в самом удачном случае, любимый, тебе придется как минимум 15—16 лет, чтобы я родилась на земле и стала взрослой девушкой, способной полюбить тебя уже в плотном теле и родить тебе ребенка... детей... много детей!

– Так долго?! – ужаснулся Адам, – я не смогу ждать так долго, я с ума сойду с этой дурой, я готов после сегодняшнего сна просто возненавидеть ее! О Логос, за что мне все это!

– Не упоминай этого имени! – передернулась Лилит, – это наш общий враг, именно борьбе с этим поработителем посвятил свою жизнь мой... повелитель.

– Но, – удивленно посмотрел на нее Адам, наш создатель учил, что это верховный Бог, владыка Светлых Сил...

– Когда-нибудь мы вернемся к этому вопросу, – раздраженно свернула разговор Лилит, – значит ты не готов ждать 15—16 лет?

– О любимая, я не знаю, как я дождусь, мне кажется, я не смогу прожить без тебя и дня... правда, если я буду продолжать видеть такие сны, как сейчас, и встречаться с тобой каждую ночь, может я выдержу...

– О нет, милый, – сверкнула глазами Лилит, – даже если свершится невозможное и Иегова согласится создать мне плотное тело, мы уже не сможем встречаться ночами, ведь моя душа, мой шельт будет заключен сначала в маленьком эмбрионе, затем в теле младенца – и так на долгие годы, пока из ребенка не вырастет девушка, в которой ты узнаешь меня – и будет это очень не скоро. Есть правда еще один путь, но, разумеется, ты не пойдешь на него... впрочем это вообще во многом зависит не от тебя... хотя, как на это посмотреть.

– Что ты имеешь в виду? – непонимающе посмотрел на нее Адам.

– Нет, это невозможно, ты возненавидишь меня, если я скажу.

– Что ты, любимая, – сказал Адам неожиданно изменившимся голосом, – нет ничего, что бы заставило меня тебя возненавидеть! Скажи, и я совершу преступление... я правда не совсем понимаю, что это такое, Создатель нам объяснял, но я тогда на уроке ворон ловил... помню только, что это очень, очень плохо.

– Ну что ж, ты сам захотел, ловлю тебя на слове. Я бы могла перейти в тело Евы и очень быстро преобразить его под стать моему шельту – то есть оно вскоре будет похоже на это...

Тут Лилит встала, сбросила с себя полупрозрачные покрывала и предстала перед Адамом во всей своей зловещей нагой красоте. Только две души в одном теле существовать не могут, поэтому Ева должна покинуть свое плотное тело добровольно, причем так, чтобы его не повредить, а умереть, не повредив его, очень сложно. Правда есть на земле один цветок... так вот тот, кто вкусит сок плода этого цветка – назовем его «яблоко грез» – засыпает в изумительных фантастических видениях чудесного мира под названием Рай. Любая душа однажды увидевшая этот сон никогда не захочет просыпаться и заснувшее тело вскоре умирает. Вот в этом-то весь фокус: душа Евы должна покинуть тело добровольно и обязательно до того момента, когда в нем уснут жизненные функции. В этот момент, при ее полном согласии я должна вселиться в ее тело и стать его полновластной хозяйкой, душа же Евы отправится в страну своих видений и ни о чем не будет сожалеть: там, в этой райской сакуалле она останется ровно столько, сколько нужно, чтобы развязались узелки ее кармы, а потом она воплотится в новом теле на земле – но это уже другая история, нас с тобой мало интересующая. Чтобы все это осуществить, ты должен дать Еве вкусить некоторое количество этого сока, ведь я сама не имею права – да, честно говоря, и возможности – ее к этому принудить.

– Но где и как я найду этот цветок, – уже с некоторым страхом и сомнением проговорил Адам, – и потом, я знаю наперечет все растения в нашем оазисе – нет там таких цветов и плодов! Они все съедобны и никаких видений не вызывают.

– Ваш оазис – это еще не весь растительный мир земли. Ты ведь настолько нелюбопытен, что даже ни разу не пробовал выходить за территорию оазиса, а между прочем не так далеко от него есть и другие зеленые участки, до туда ты сможешь добраться за один дневной переход туда и обратно, а что это за плод я тебе укажу.

– Но как ты укажешь, ведь видеть и слышать тебя я могу только во сне?

– Есть некоторые животные на земле, с которыми у меня налажен неплохой контакт, например, ядовитые змеи. Я могу внушить одной из них, чтобы она провела тебя в нужное место и указала нужный плод. Остальное зависит от тебя: как ты заставишь или уговоришь Еву выпить этого сока, ты должен придумать сам – тут я умолкаю, поскольку не имею полномочий давать тебе указаний... впрочем, в любой момент ты можешь отказаться от предложенного мною плана, но знай, что это единственный способ для нас с тобой создать семью и обзавестись двумя... нет, дюжиной прелестных малюток – в последствии – исполинов. И уж я бы постаралась, чтобы и твоя простецкая плоть преобразилась и стала подобна твоему великолепному шельту – пусть будут прекрасны отец, мать и их дети!

– О Лилит! – как замороженный пробормотал Адам, – ты меня погубишь... ну и пусть, губи мою душу, мое тело, мне все равно, без тебя жизнь не имеет смысла!

Тут он бросился в объятия Лилит, и долгое время они предавались астральной любви, которая, как мы знаем, как и во сне может приобретать весьма причудливые формы, но не дает всей полноты ощущений, которую способны дать только физические тела. Когда же все закончилось, Лилит с явным сожалением сказала:

– Пора, Адам, на земле уже наступило утро и время пробуждения. Когда ты проснешься, то будешь помнить каждую минуту, каждое слово нашего сновидения. Если ты тверд в своем решении, то соври что-нибудь Еве, иди на запад, пока не закончатся кущи оазиса, и там, на его краю, под большим камнем, на котором ты часто любил сидеть, наблюдая закат солнца и любуясь причудливыми красками вечернего горизонта, ты увидишь гремучую змею – она отведет тебя в край волшебных цветов. Но учти – не дай Люцифер тебе самому попробовать этого сока! Что же касается дозы для Евы – то достаточно того количества сока, которое ты выжмешь из одного цветка.

– Я готов, – теперь уже с решительностью в голосе сказал Адам. Затем с некоторым недоумением добавил:

– Ты сказала, что мне пора пробуждаться, неужели я сейчас, в мгновение ока перелечу с луны на землю – это же так далеко!

– Нет ничего проще, – ухмыльнулась Лилит, – лунные и земные астральные кольца переплетены и здесь мы перемещаемся со скоростью мысли, а физическое, вселенское расстояние не имеет значения.

В этот момент астральный альков исчез и Мерцающая поняла, что сон Адама закончился, но к своему удивлению она не вернулась в гигантское тело лимурийца, а проявилась в своем тонкоматериальном шельте посреди каменного лунного ландшафта на краю бездонного черного кратера.

ГЛАВА 3. Нифилим (несколько ранее)

Нифилим Алеф неторопливо пролетал в черном астральном небе среди мириад мерцающих звезд, из которых не выстраивалось ни одно видимое с земли созвездие. Нифилим, разумеется, знал, что это не звезды, а скопления строительной, пока еще нереализованной астральной энерго-материи «сиайры», которая в дальнейшем может пойти на различные построения и любые другие задачи в астрале. Выше, над отдельными звездными гранулами мутно опалесцировала и переливалась едва уловимая дорожка, весьма напоминающая вселенский млечный путь, ниже, под ним – словно ее зловещая проекция в негативе – виднелась тусклая дорожка мрачно бурого цвета. То место астрала, в котором находился нифилим Алеф, называлось главным разделительным буфером – пространством, разделяющим два ряда противостоящих друг другу астральных колец: грязно-бурых, с переходом в невыразимый инфракрасный, слоев нижнего астрала или шрафтов, и светлых, серебристых и золотистых разной интенсивности колец восходящих сакуалл верхнего астрала. Собственно из буфера были видны только оградительные оболочки ближайших к Энрофу колец – как восходящих, так и нисходящих, примыкающих непосредственно как к измерению буфера, где пролетал нифилим, так и к трем измерениям Энрофа, правда сам Энроф отсюда был не виден, по крайней мере в том спектральном режиме, на который были настроены глаза Алефа. Это можно было бы сравнить с тем, как если бы глаза какого-нибудь существа воспринимали бы только ультрафиолетовый и инфракрасный, а остальные цвета обычного солнечного света были бы ему недоступны.

Ангелы-нифилимы относились к третьему отряду ангельского воинства, в задачу которых входил контроль за буферной зоной астрала, и главная их обязанность была засечь и пресечь любую попытку воинства Гагтунгра проникнуть в зону колец верхних, восходящих сакуалл. Собственно только в ближайшее, промежуточное кольцо восходящего астрала демоны-асуры пока и могли проникнуть и укрепиться, поскольку более высокие сакуаллы содержали достаточно чистую сиайру, которая сама по себе была невыносима для демонов, а защитные скафандры для вторжения, которые они недавно научились использовать, помогали лишь на недолгое время. Но опасность была в том, что занимая промежуточный слой, содержащий низкий уровень сиайры, демоны заражали его каррохом, постепенно уничтожающим сиайру, и через какое-то время могли уже благополучно там базироваться, таким образом отвоевав себе еще один плацдарм с которого можно было бы штурмовать следующую сакуаллу, которая от соседства с новоявленным плацдармом и постоянной нейтрализации его излучений теряла значительную долю энергии-сиайры. Таким образом слой за слоем демоны в отдаленной перспективе рассчитывали захватить весь земной Шаданакар, как это произошло в макробрамфатуре звезды Антарес, полностью захваченной Люцифером. Впрочем существовать эта чисто демоническая брамфатура могла только захватывая все новые и новые участки вселенной, поскольку энергия демонических брамфатур быстро иссякала без притока извне, а собственную энерго-материю они создавать не могли, поскольку являлись паразитами. Но все это касалось вселенной в целом, у нифилимов же была куда более скромная задача в собственном фрактале: не допустить внедрения демонов в промежуточные кольца, и для этого они имели все необходимые средства обнаружения и уничтожения. Ангелы не так давно появились в пространствах Шаданакара и для воинства Гагтунгра это была полная неожиданность. В первых же локальных стычках обнаглевшие порождения Гагтунгра и карросы Дингры (его собственной дочери от Лилит) потерпели сокрушительные поражения, не готовые к тому, что свет, оказывается, тоже может быть с кулаками, и способен не только защищаться, но и нападать.

Нифилимы (собственно как и их собратья – серафимы и херувимы, имевшие правда несколько другие задачи, соответственно их природе), были прекрасно вооружены, и попадая в зоны, зараженные энергией демонического карроха, становились драчливы и яростны,

но как только они возвращались в Эдем из своих боевых вылазок, их собственный специфический каррох переходил в неактивное состояние. Тогда недавно еще яростные и непримиримые бойцы, не знающие пощады, становились кроткими и радостными, какими не так давно были их предшественники Фейри, изгнанные Иеговой, как мы помним, на одно из астральных колец, где они должны были постепенно освободиться от карроха, так трагически изменившего их природу и поведение.

Итак, нифилим Алеф совершал обзорный полет по буферному пространству и скучал: более унылого и пустынного места и вообразить себе было невозможно. Еще не так давно подобные патрульные рейды совершались группами, были куда интереснее и как правило заканчивались хорошей доброй дракой. Осмелевшие демоны-асуры, не находившие достойного отпора демиургов, способных лишь успешно защищать свои пенаты, стали все чаще нагло нарушать Договор Великого Равновесия – очевидно рассчитывая, что в ближайшее время должного возмездия получить не от кого – и успешно захватили один за другим несколько колец, передвинув свой передовой плацдарм довольно далеко вглубь территорий Сил Света. И когда первые отряды ангелов, предоставленных Иегове Логосом Шаданакара появились в буферной зоне, демоны, хорошо изучившие тактику Светлых, нагло ринулись в атаку, ожидая, что в худшем случае их ожидают мощные световые щиты. Увы, на этот раз неведомое воинство вело себя агрессивно, придерживаясь тактике нападения, полной нейтрализации и преследования, а вооружены были куда более мощным наступательным оружием, чем сами демоны. В результате после нескольких масштабных столкновений, закончившихся безоговорочной капитуляцией агрессора, вот уже долгое время в буфере было до отвращения спокойно. То ли все силы демонов-асуров были на данный момент исчерпаны (темные бойцы, лишённые формообразующей энергии – гавваха не могли погибнуть, но возвращаясь в свои шрастры, на долгое время расформировывались, то есть нисходили до эмбриональной демонической формы, напоминающей земные фекалии, из которых постепенно, этап за этапом через длительное время и промежуточные стадии вновь восходили к прежней высокоспециализированной форме воина-асура), то ли Гагтунгр понял, что прежняя шапкозакидательская тактика и наглое игнорирование договора потерпели фиаско, и формировал новое воинство количественно и качественно готовое противостоять воинам Света.

Нифилим Алеф, принимавший участие во всех серьезных схватках в буфере вошел во вкус быстрой победоносной войны, и оказавшись в очередном дозорном полете и не обнаружив на своем пути ни одного нарушителя, испытывал все большее разочарование. В буфере его агрессия возрастала настолько, что не встречая противника, он с досады был готов сцепиться с кем угодно, даже со своими боевыми соратниками – ангелами. К счастью агрессия эта не копилась и исчезала бесследно, как только нифилимы возвращались обратно в Эдем. Эдем к тому времени из дивного сада превратился во что-то вроде полигона для игры в пинбол, где ангелы непрерывно упражнялись в боевом искусстве, но уже без всяких воинственных чувств.

– Вот трусливые твари, – бормотал себе под нос Алеф, неужели среди вас не найдется ни одного отчаянного парня?! Где же ваша воинская гордость и доблесть? Сидите, поджав хвосты в своих inferнальных норах и боитесь нос высунуть! Эх, если бы ни приказ свыше, который мне не позволяет нарушать долг воина, – давно бы завернул в шрастры и поджег ваши логова! Что за коллаборационистская политика руководства! Равновесие они боятся нарушить, когда враги сплошь и рядом его нарушают! Врага надо бить на его территории, а не ждать, когда он очухается и ударит с удвоенной силой! Впрочем – должен признаться, мы, нифилимы, только этого и ждем. Прежние были дики, наглы и шумны, но биться, удерживая строй, как следует не умели, не велика была честь нам, ангелам, разбить эту неорганизованную ораву отморожков! Вот если им на смену придут хорошо организованные войска обученных бойцов – тогда другое дело, тогда это будет настоящая война, а не бестолковая куча-мала! Эх, размечтался! Я уже со счета сбился, какой по счету дозорный облет совершаю без единого происшествия! Так,

часом, и рубиться разучишься! Что толку в этих тренировочных учениях – только реальный бой воспитывает истинные навыки бойца, а реальный бой – я уж и забыл, когда последний раз тут происходил. Да и, похоже, не предвидится в обозримом будущем.

Как знать, были ли эти мысли предчувствием, что на этот раз дозорный облет не закончится краткой пометкой в дежурном журнале – «дежурство прошло без происшествий», либо сами мысли гордым вызовом разносящиеся по всему эфиру ближайших астральных колец спровоцировали чью-то уязвленную демоническую гордость на отчаянную попытку наказать бахвала, тем не менее, не успела стихнуть последняя фраза, прозвучавшая из уст нифилима, как тут же его шестое чувство – что-то вроде боковой линии у рыбы – ощутило, что где-то неподалеку скрипнули петли пропускных ворот ближайшего шрастра-плацдарма (разумеется никаких петель не было и в помине, но само ощущение казалось сходным).

– Ого! – колыхнулось предчувствием бесплотное сердце Алефа, – похоже, на ловца и зверь бежит!

В первый момент Алеф хотел поступить, согласно уставу, то есть вызвать подкрепление, поскольку демоны никогда не совершали вылазку в одиночку, но тут что-то остановило нашего нифилима, поскольку следом за ощущением скрипа петель, он не почувствовал выхода в буфер большой враждебной массы, что всегда ощущалось, как нарастающий гул и топот бесчисленных копыт. На этот раз агрессия если и была, то какая-то не характерная, словно бы изысканная что ли, нифилиму непонятная, и вместо гулко-топота конной армии слышен был только одинокий приближающийся стук копыт стремительного скакуна. И когда этот одинокий всадник показался в черном пространстве буфера, у нифилима вырвался вскрик удивления: на черном крылатом коне, с горящими яростным огнем глазами, скакала прекрасная всадница в черных, как и масть коня, доспехах, каковые были красивы, изящны и лишь подчеркивали стройность фигуры и большую чувственную грудь. (Разумеется в астрале доспехи носили чисто декоративную функцию, но у асуров они были уродливы и носили устрашающий характер). Голова всадницы ничем не была покрыта, хватало облака развивающихся льняных волос, которые странно контрастировали с прекрасным смуглым лицом то ли мулатки, то ли индианки (которых, разумеется, на свете еще не существовало). Впрочем шлем был пристегнут к луке седла. Все это Алеф разглядел с огромного расстояния, поскольку зрение его работало, как мощнейший оптический прибор, и облик неожиданного противника нифилима крайне удивил. Мало того, что противник оказался в одиночестве (впрочем коня можно было учесть, как второго противника), а демоны всегда нападали скопом, правда не организованно, не имея в своем арсенале хитрых тактических ходов, но более всего нифилима удивило то, что от образа его противника веяло мрачной эстетикой прекрасной амазонки – да и конь казался по-своему красив. Это было чем-то новым, до этого асуры прибегали исключительно к тактике устрашения, да и выглядели этакими до зубов вооруженными троллями, гоблинами, гарпиями, змеями и химерами – в зависимости от того, антропоморфный или зооморфный компонент преобладал в их облике. К тому же и женский человеческий образ являлся чем-то новым на полях сражений между духами сил Тьмы и Света. Впрочем оценить женскую красоту и притягательность с человеческой точки зрения нифилим не мог: он был бесполом астральным андрогинном, хоть и выглядел вполне по человечески, правда с двумя условными крыльями за плечами. Тем не менее чувство красоты и гармонии ему было присуще, хоть и не связанное с какими-то сексуальными проявлениями, как и чувство уродливого и отталкивающего, а отвратительный облик демонов-асуров возбуждал в нем ярость и воинственность многократно. Но воевать с красотой – пусть даже и явно демонического заряда было для Алефа чем-то новым, к тому же нифилим хорошо чувствовал разные виды энергий, а это существо однозначно не было средоточием примитивного карроха – нет, в нем угадывались и светлые тона, едва уловимые следы сияйры, правда находящиеся в скрытом и подавленном состоянии.

– Что-то новенькое, – пробормотал Алеф, – на этот раз Гагтунгр оказался весьма оригинален, даже не представлял за ним такого вкуса. да и выглядит эта амазонка совсем не как зомби, не удивлюсь, если она выступила против меня без приказа, уж больно одухотворенным кажется ее облик. Занятный противник, ничего раньше не встречал на поле битвы, да и биться один на один что-то не припомню случая. Впрочем все может в одночасье измениться, эта прекрасная всадница вполне может оказаться отвлекающим маневром – пока не ясно каким. Что ж, если так, то честь и хвала силам тьмы, они наконец выдумали что-то нестандартное, помимо нахрапа и ярости, чем нас не очень-то проймешь! И все-таки, откуда в демоническом существе свет?

Тем временем всадница приближалась, Алеф же напротив завис в межзвездном пространстве, с интересом разглядывая необычного противника, а о том что это может быть не противник – такой нонсенс даже не приходил ему в голову. Но первый удар, как и положено воину Света, он не наносил, рассчитывая на выучку и реакцию: пусть противник покажет свое оружие первым, и по первому удару можно будет предварительно судить о его огневой мощи и многом другом. Его противница тоже не спешила с первым ударом, она остановила бьющего копытами коня на расстоянии эффективного полета стрелы (разумеется ее энергетического аналога, да и расстояние в астрале было понятием условным, но для простоты описания будем придерживаться понятным читателю аналогиям) и гарцевала, словно бы лишний раз желая продемонстрировать свою красоту и грацию.

– Будь здоров, витязь, – прозвучало чуть насмешливое меццо-сопрано, – ты звал меня? Я к твоим услугам.

– Я звал?! – весьма удивился нифилим: подобное начало битвы также было чем-то новым, поскольку пожелание здоровья и предстоящая схватка вроде бы друг друга взаимоисключали, а слова в те мифические времена еще не имели какого-то двойного дна или иносказательного смысла, тем более общались наши астральные существа, как и положено – телепатически. – Ах да, я действительно проронил несколько нелестных характеристик в адрес твоих коллег, но, видит Логос, не ожидал адекватного ответа со стороны асуров, которые уж и забыл, когда появлялись в буфере. С другой стороны, если твое появление является адекватным ответом, то такой ответ для меня полная неожиданность – что-то новенькое Гагтунгр нынче приготовил.

В черном пространстве на некоторое время зависло словно бы предгрозовое молчание, соперники – каждый по своим критериям оценивали друг друга, и если нифилим ярко контрастировал своей белой туникой и крыльями с общим фоном, то изящная воительница почти с ним сливалась, хорошо заметна была только копна ее светлых волос.

– Напрасно ты поминаешь все имя печального демона, – наконец произнесла всадница, – он понятия не имеет о моей вылазке! Я все вопросы решаю сама и ни перед кем не отчитываюсь! Если же ты решил, что я – новейшая модификация демона-асура, то ты глубоко заблуждаешься, я гораздо древнее...

– Ладно, – прервал ее объяснения Алеф, – если ты восприняла мои мысли как оскорбление, то это твои проблемы, я готов повторить их в лицо, поскольку ни от кого ничего не скрываю: да, я мечтаю уничтожить весь ваш подлый род агрессоров, и ты до сих пор не расформирована только потому, что мы, ангелы Света, никогда не бьем первыми, искренне презирая вашу породу, если же ты сюда только погарцевать выехала, то гарцуй сколько угодно. В конце концов буфер – нейтральная территория и никому не возбраняется здесь прогуливаться, но не дай Логос тебе сунуться в сторону светлых сакуалл!

В этот момент незнакомка неувловимым движением выхватила из луки седла небольшой хищно изогнутый лук (как мы упоминали, в действительности – энергетическое оружие), и пустила в нифилима темно-бардовую молнию, своей формой сильно напоминающую истекающую кровью розу. Выстрел был настолько стремительным и неожиданным, что Алеф отреагировал в самый последний момент, когда его световая аура уже наполовину оказалась пробита.

Впрочем, возможно это был лишь эффектный трюк, чтобы у противника возникло ложное чувство удачного выстрела, поэтому, когда раскаленная роза, способная прожечь толстый слой сийры, была на расстоянии локтя от груди нифилима, он мгновенным движением выхватил из-за пояса светящийся голубым пламенем меч (типа меча джедая) и разрубил розу, которая ворохом стремительно увядающих лепестков упала к его ногам.

– Что ж, – весело крикнул Алеф, – наконец между нами нет никакой недосказанности! Выстрел кровавой розой был просто великолепен – раньше твои коллеги стреляли в основном скорпионами и сколопендрами, в самых изысканных случаях – гремучими змеями. Ну что ж, прекрасная незнакомка, лови самый простой выстрел!

С этими словами Алеф резко махнул крылом, из которого вылетели три маховых пера (никакого убытка нифилим не потерпел, в пустующем месте тут же возникли такие же), которые тремя голубыми плазменными каплями ударили в защитную ауру незнакомки, и если бы та в последний момент не выскочила проворно из седла, то конь, в которого и угодили три голубые капли, имел все шансы ее придавить... если бы схватка происходила на земле, а не в пустом пространстве. Конь на мгновение вспыхнул голубым пламенем и превратился в бесформенное грязно-коричневое облако, которое уныло потянулось в сторону бурого «млечного пути», находящегося относительно наших бойцов в самом надире. В унылом падении облака не было ничего величественного или трагического, как в подбитом летающем самолете, и подобная потеря формообразующей энергии приводило любое астральное существо к такому невыразительному превращению. Впрочем потеря боевого коня никак не отразилось на настроении и боеспособности нашей воительницы, которая начала с головокружительной скоростью перемещаться зигзагообразно в пространстве буфера, как из пулемета посылая в нифилима огненно-цветочные заряды.

Алеф был буквально завален розами, лилиями, орхидеями, магнолиями и прочими экзотическими цветами самых ядовитых и зловещих оттенков, правда каждый из них был по-своему демонически-прекрасен. Нифилим вертелся волчком, молниеносно отражая бесчисленные силовые удары ядовитой флоры своим мечом джедая, однако, хоть он и вынужден был признать, что ему приходилось нелегко, не снизошел до глухой защиты с помощью светового щита, и разрубил каждый цветок, превратив его в груды засохших лепестков, тут же уносимых куда-то неслышимым ветром. Впрочем Алеф был способен и не на такое. Тем временем расстояние между сражающимися сокращалось и нифилим почему-то не пытался подбить свою противницу метким выстрелом, которым подбил коня, в то время, когда воительница продолжала наращивать темп обстрела. Однако воин Света немедленно нейтрализовывал каждый выстрел, и становилось ясно, что он таким образом сберегает энергию для рукопашной (условно) схватки, в то время, как амазонка ее неизбежно теряет. Внезапно поток цветов иссяк и черная воительница, находясь уже совсем недалеко от нифилима изменила форму заряда. К Алефу вдруг с молниеносной быстротой потянулись огромные женские рубиновые полураскрытые губы, словно бы собирающиеся запечатлеть на нем хищный распутный поцелуй. Не ожидавший такой атаки, ангел несколько замешкался, однако в последний момент все же успел подставить под поцелуй вспыхнувший аквамаринным огнем щит (что-то удержало его от того, чтобы полоснуть по этим по своему прекрасным губам всерассекающим лезвием меча). Удар-поцелуй был настолько силен, что даже слегка отбросил Алефа назад, а на ангельском щите остался отчетливый след помады в форме гигантских губ, как на щеке неверного супруга.

– Тфу ты, – выругался нифилим, – гадость какая слюнявая... ладно, будем готовы к любым сюрпризам. И все же интересно, что бы это значило?

После нескольких повторных поцелуев, отраженных уже без всякого труда щитом, теперь уже безобразно перемазанным помадой, незнакомка вновь поменяла заряд: на этот раз непосредственно перед щитом ангела он принял форму огромного красного сердца, каким его изображают дети или карикатуристы, но объемного, словно бы наполненного летучим газом. Алеф,

которому очевидно тоже надоело пользоваться услугами щита, также изменил способ защиты, молниеносно сдернув с плеча энергетическую имитацию лука, и поразив раздутое сердце белой оперенной стрелой, там самым продемонстрировав известный символ. Впрочем символ этот в известном образе просуществовал лишь мгновение и лопнул, забрызгав нифилима каплями задымившейся на его одежде крови, которая вслед за этим быстро впиталась. Алеф тут же почувствовал, что удар, хоть и в сильно ослабленном виде, все же достиг цели, и часть его формообразующей энергии поглотилась каррохом, но тут же диагностировал, что рана пустяковая, можно сказать, царапина, и незнакомка, пытаясь поразить его на расстоянии, потратила энергии гораздо больше, а особенность энергетических сражений заключалась в том, что энергию можно было либо забрать, либо ее лишиться, истратив на нападение и защиту.

Неизвестно почему, Алеф вдруг ощутил симпатию к этой стремительной, искусной воительнице (до сего момента таковой он не чувствовал), которая, тем не менее, не дотягивала до боевого уровня нифилима – это он ощутил безошибочным чутьем опытного воина, который уже по первым обменам ударами может оценить шансы той и другой стороны. Чувство было очень странным, ранее у Алефа к своим противникам ничего подобного не возникало.

– Все же она молодец, мелькнула в его голове замаскированная от противника мысль, – творчески к схватке подходит, не то, что асуры! И тем не менее шансов у нее практически нет, она почти всю энергию израсходовала на дистанции, и для рукопашки ее слишком мало осталось, а так бы шанс имелся. Жалко, она мне в чем-то симпатична.

Тут он понял, что незнакомка симпатична ему не в чем-то, а весьма однозначно, и он совершенно не хочет ее расформирования – а именно – превращения в астральное дерьмо.

– Ну что она лезет, – подумал он раздраженно, – должна же она видеть, что ей меня не одолеть, она же опытный воин! Улетала бы в свой шрастр, пока время есть, может Гагрунгр не в курсе ее одиночной вылазки и не накажет за самоуправство, а так начнет свою жизнь с начала, с эмбриональной стадии – уж очень это длительный и неэстетичный процесс!

Тем не менее незнакомка вроде бы и не собиралась отступать, и вплотную подступив к Алефу, выхватила из-за спины сильно изогнутую саблю, тут же обрушив на ангела целый град ударов. Алеф оценил ее мастерство, и все же видел, что он может и не быстрее своей противницы, но уж точно – сильнее, и в мастерстве фехтования слегка ее превосходит.

– Почему она так нерационально тратит силы? – подумал Алеф, – заботится лишь о текущем моменте, а это неправильно, силы надо распределять рационально, в этом главное искусство воина, куда более важное, чем эффектные кунштюки.

Шквал ударов он встретил с ледяным спокойствием, даже вначале слегка отступив, а когда понял, что амазонка начала выдыхаться, из обороны перешел в наступление, в результате чего легкий клинок был выбит из изящной, и тем не менее очень крепкой ручки. Следующим ударом он опрокинул противницу наземь – а вернее, поскольку никакой земли не было и битва происходила в пустом пространстве, просто зафиксировал ее на месте, ограничив перемещение шаром мощного силового поля, которое можно было создать вокруг противника лишь после того, как он исчерпал все свои наступательные ресурсы. Этим приемом Алеф не пользовался никогда, просто отбирая у противника всю формообразующую энергию... но случай был особый, и у нифилима просто не поднялась рука превратить свою противницу в облако астрального говна.

Лицо незнакомки исказила бессильная ярость (правда сквозило в нем и какое-то другое чувство, которое Алеф все не мог понять), она тщетно пыталась пробиться сквозь шар силового поля, но беспорядочные ее конвульсии были чисто рефлекторными, как брошенный в каземат человек в отчаянии пытается беспомощно вырвать толстые стальные штыри. Впрочем силы ее быстро иссякли, и амазонка, прекратив сотрясать пространство уселась в основании невидимой сферы, устремив на Алефа гордый несломленный взгляд. Нифилим выдержал

театральную паузу, чтобы плененная противница успокоилась, затем сам неожиданно для себя дружелюбно к ней обратился:

– Что, больно тебе? (значительная потеря энергии ощущалась астральными сущностями, как нечто сопоставимое с болью).

– Чего уж, добивай, – хрипло проговорила незнакомка, – дави черную гадину, благородный витязь Света, превращай демоницу в говно!

– Я бы смог сделать это сразу, – пожал плечами ангел, – но что-то меня удерживает. Мне понравилась твоя смелость, твое искусство, и хоть оно несколько не дотягивает до ангельского уровня, противник ты серьезный, да и бьешься в несколько необычной манере. Чего стоит одно только сердце!

– Разбитое тобой! – неожиданно среагировала амазонка и замолчала.

– Ну да, – несколько растеряно подтвердил ангел, – разбитое... да и еще мне жаль превращать красоту в эмбриональное облако карроха, мы, ангелы весьма восприимчивы к красоте, пусть даже она с явным демоническим окрасом. Впрочем чувствую, что с тобой не все так однозначно.

– Чувствуешь? Что ты можешь чувствовать, бесполой андрогин! – чуть ли не с сочувствием скривила рот незнакомка, – вы только и можете, что чувствовать ненависть и беспощадность к темной стороне Силы, и жалкую унижительную покорность перед иерофантом и вышестоящими ангельскими чинами, когда возвращаетесь в свой дурацкий Эдем.

– Это тебя не касается, – помрачнел Алеф. Незнакомка ударила его в самое больное место: нифилимы часто задумывались над иерархией, существующей в Эдеме, где они занимали самую нижнюю ступеньку не только по отношению к Иегове, но и к остальным ангелам. И почему так установлено никто не потрудился им разъяснить, ведь если вдуматься, то принимать на себя в буфере первый удар сил мрака – разве это более низкая обязанность, чем охранять от вторжения этих же сил Эдем и Энроф, чем занимались другие ангелы! Нет, это была явная несправедливость, однако присущее нифилимам изначально чувство высокой дисциплины удерживало эту, самую последнюю категорию ангелов от ропота, не говоря уж о бунте. – И потом, не перед кем мы не гнем спины, а воинское дело требует дисциплины. Если каждый солдат вообразит, что может воевать сам по себе, как ему вздумается, наплевав на приказ командира, то такое, с позволения сказать, войско будет тут же разбито более дисциплинированным противником. Это, между прочим от раза к разу происходило с войском асуров, которое мы всегда легко разбивали, несмотря на их численное превосходство. Каждый из асуров воевал как ему вздумается и это приводило к печальному для них исходу, несмотря на немалую силу каждого в отдельности.

– Зато они были свободны, – с каким-то непонятным сожалением посмотрела на нифилима незнакомка, в данном случае они могли самовыражаться, как считали нужным. К сожалению, делали они это не самым лучшим образом.

– Свободны? – расхохотался Алеф, – как может быть свободна банда отморожков, которая уважает лишь силу и улепetyвает, как только видит, что противник сильнее, хоть и в меньшинстве. Это не свобода, а элементарная тупость! Свобода – это осознанная необходимость и самодисциплина! Что ж твоя свобода не помогла вашим ублюдкам одолеть ангелов в честном бою? Между прочим главная наша сила в дисциплине и добровольном подчинении старшему, – (в последних словах нифилима не чувствовалось непоколебимой уверенности).

– А мы даже ценой победы не желаем отказываться от свободы, – в упор посмотрела в глаза Алефу незнакомка, – думаешь наши войска не могли бы держать строй, подобно вашему? У темного иерофанта достаточно сил и средств, чтобы вышколить даже эту дикую орду, но он осознанно не желает прибегать к насилию над личностью.

– Осознанно не хочет! – опять расхохотался Алеф, – вот уж никогда не поверю! Да они всегда выглядели, как загипнотизированные зомби, хоть и не были способны к слаженным

боевым действиям! Ты лукавишь, незнакомка, Гагтунгр несомненно попытался бы их максимально дисциплинировать, видя что здесь кроется основная причина поражений, да материал никудышный. К тому же каждый из них ненавидит другого, а о каких слаженных действиях можно в этом случае говорить!

– Насчет материала ты, возможно, и прав, – с неохотой признала незнакомка, – увы, генетический фонд подвел! Их общая мамаша... да что там говорить, первый блин комом. Я всегда говорила Гагтунгру, что ничего хорошего из их союза с кароссой не получится. Впрочем это наши проблемы и мы будем их постепенно преодолевать. А что касается ненависти друг к другу – она тоже объяснима, так они устроены, видят причиной собственных неудач только чужие ошибки! Свои они не способны признать, поскольку – что греха таить – самовлюблены до абсурда – и в этом так же их существенный изъян: самовлюбленность легко может использовать против них хитрый и опытный враг. Но вы-то, ангелы, толком и себя любить не способны, не то, что других. Я немного могу читать в чужих сердцах, хоть ты и маскируешь свои чувства искусно, вы не только себя не шибко любите, но еще менее любите ангелов выше вас по статусу и вашего хитрого иерофанта Иегову.

– Воин и не обязан кого-либо любить, – не очень уверенно ответил Алеф, – в том числе и высшее руководство, но мы прекрасно знаем, что такое дисциплина и не позволим себе игнорировать приказ на том основании, что мне, дескать, морда командира не нравится. Такая армия обречена на поражение, каким бы искусным воином ни бы каждый солдат в отдельности. Поэтому не буду опускаться перед тобой до лжи: мне многое не нравится в действиях руководства, но тем не менее я готов расформироваться, выполняя приказ несимпатичного мне командира. Лишь в этом залог победы, а поскольку я солдат – в победе и заключается цель моей жизни.

– Ну и что ты будешь делать, если на секунду вообразить, что ваша сторона одержала полную, безоговорочную победу? Ты же совсем недавно, инспектируя буфер, думал о том, что умираешь со скуки, и мечтаешь о том, чтобы перемирие было нарушено, и ты смог бы от души повоевать! Да тебе, по большому счету, все равно с кем сражаться! Исчезни все воины-асуры, вы друг с другом передеретесь, и в скором времени ваш пресловутый ангельский монолит расколется на неведомое количество враждующих сторон. Тебе подобные мысли в голову не приходили?

– Честно говоря, иногда приходили, – признался нифилим, гордость которого не позволяла опускаться до лжи поверженной противнице, – но это – утопия! В действительности до победы еще ох как далеко, так что о подобных проблемах можно не беспокоиться. На мой век сражений еще хватит, и потом такие агрессивные, не видящие смысла ни в чем, кроме битв, мы только здесь, в буфере, поскольку чуем ваше гласное и негласное присутствие, в Эдеме же мы кротки и дружелюбны.

– И трубите в дудки и поете осанну вашему повелителю, – криво усмехнулась воительница, – что-то мне не очень верится, что тебе очень по душе такое ежедневное времяпровождение, ведь в случае вашей полной безоговорочной победы именно такое будущее ждет каждого ангела! Если не с кем воевать, остается только в трубы дудеть, да на арфе тренькать, воспевая вашего солнцеподобного руководителя.

– В трубы и дудки мы не дудим, – мрачно отозвался ангел, – мы тебе не Фейри, которых, кстати из Эдема выслали, поскольку их ваши диверсанты попортили. А насчет моего будущего сейчас рано голову ломать: если начальство и дальше будет так трепетно соблюдать условия хартии между Светом и тьмой, то полная безоговорочная победа нас навряд ли в обозримом будущем ждет. В любом случае – без дела не останемся, всегда, даже в мирное время найдется какое-то дело, требующее твердую руку и сильное крыло! Будем людям помогать, будущему человечеству, в Энрофе, говорят, еще труднее, чем в астрале, а люди – слабые, хрупкие и смертные, к тому же их нужно от вашего брата оберегать – чем серафимы и занимаются.

– Человечество, говоришь, – как-то странно посмотрела на Алефе воительница, – что-то не похоже, что оно в обозримом будущем появится...

– А это уж не твое дело, – помрачнел нифилим, он знал о возникших проблемах на предмет отсутствия потомства у Адама и Евы, – да и не мое тоже. Энроф не наша точка приложения сил, с нас и буфера достаточно.

– Ты думаешь? Ладно, не хочешь обсуждать большие вопросы – не надо.

– А ты вообще этой теме не смей касаться, – неожиданно вспыхнул Алеф, чего за ним ранее вроде бы не водилось, – согласно хартии Великого Равновесия, Энроф – не ваша сфера деятельности и вы не имеете права туда соваться. В противном случае вас ждут серьезные незамедлительные санкции от Логоса Шаданакара. Ваш князь тьмы и так серьезно попортил природу перволюдей, так что они возможно поэтому и детей зачать не могут.

– А вот тут ты передергиваешь на все сто, – с усмешкой посмотрела на него незнакомка, – как раз их бесплодие и есть результат того бестолкового воспитания, которому подверглись с рождения Адам и Ева. А воспитатель-то кто? Тело вроде бы лимурийца, а шельт – незнамо чей – какая-то Мерцающая из будущего! Однако считает себя иерофантом! Впрочем и сама такой же андрогин, как и Иего, и ты вместе с ними... пока. И какое правильное воспитание может дать первой супружеской паре евнух? И каких детей можно ждать от этой пары? А что бы ты знал, спариваться как животные, они могут только благодаря семени эйцехоре, которое им от князя тьмы досталось. Я уж не знаю, на что рассчитывал лимуриец Иего, когда планировал землю человечеством заселить, если он сам, похоже, не знает от чего дети рождаются... кроме алхимической пробирки.

– А вот это и вовсе не твое дело – еще больше помрачнел Алеф.

– Ну и что, как ты мне рот собираешься затыкать?! Ты что вообще планируешь со мной делать, рыцарь без страха и упрека? – гордо посмотрела на нифилима незнакомка, – все-таки расформируешь?

– Я бы мог сделать это давно, – мрачно отвернулся от нее ангел.

– Что, поболтать с дамой захотелось? Скучно, небось одно и то же от своих тупых солдафонов слышать?

– Они не тупые, просто неразговорчивые, – нехотя ответил ангел.

– Ну и что же тебя удерживает от последнего удара, смелый рыцарь? Давай, скольких ты на своем веку в говно превратил?

– Многих, – внимательно посмотрел на нее Алеф, – скажи, что ты со мной сделала, почему я никак не могу в отношении тебя выполнить свой долг, отправить в шрастры на расформирование?

– А может, – тут совершенно неожиданно незнакомка посмотрела на Алефа без ненависти или сарказма, даже с едва заметной улыбкой, – может ты не совсем такой, как остальные нифилимы... теперь не такой. Не случайно же «Алеф» – первая буква в алфавите, который должен в будущем возникнуть на земле.

– Это почему же не такой? – спросил несколько польщенный ангел.

– Просто я поделилась с тобой сокровищем своего сердца, – голос незнакомки окреп, – знаешь, кто я такая?

– Не знаю, – нифилим явно боролся с чем-то внутри себя, – на одну из маток Гатунгра ты вроде бы не похожа.

– Я Лилит, – грудным голосом произнесла прекрасная незнакомка, – моя душа была сотворена иерофантом Иего, и я должна была стать первой женщиной в Энрофе и женой Адама. Но я выбрала другой путь, будучи свободной в своем сердце, и я сбежала из Эдема, о чем, возможно, сейчас несколько сожалею. По крайней мере я бы имела плотное тело, о преимуществах которого знаю теперь, и о которых ты не догадываешься, и не прошла бы через муки трансформы, которым меня подверг князь тьмы в Дигме. Он великий иерарх, но я не могу

простить ему многое, поскольку сердце мое знает, что такое любить. Как человек, я была предназначена для этого, но Гагтунгр растоптал мои чувства к нему и стал любовником наших же с ним дочерей-каросс... – тут Лилит неожиданно лицо руками и зарыдала, совершенно сбив с толку растерявшегося ангела, – я ему этого никогда не прощу, – проговорила она, всхлипывая, – вот почему я вышла в буфер одна, без санкции на то князя тьмы! Я не его раба, я – свободная женщина... хотя, конечно, какая я женщина без плотного тела, я только могла быть ею. И вот почему я пришла на твою ругань, благородный ангел! Ты так похож на человека... если бы не крылья... к тому же ты лишен пола... хотя в астрале это – не такая уж беда! Сексуальные отношения астральных существ – не дьявол ведь, какая радость, по сравнению с настоящей плотской любовью, которую знают земные создания – и все же это лучше, чем совсем ничего, как у вас, ангелов. Думаю, скоро ты поймешь это и сам.

– Почему ты думаешь, что я смогу понять это и сам? – туповато спросил Алеф, – он совсем утратил инициативу и все время продолжал какую-то внутреннюю борьбу.

– Капли гавваха проникли в тебя, – вдруг, словно заклинание произнесла Лилит. Напрасно ты разбил мое сердце, которое я хотела подарить тебе. С помощью цветов, поцелуев и сердца я не собиралась расформировывать тебя, мой ангел, на мгновение у меня возникла бредовая мысль, что ты мог бы стать моим любимым, которого я потеряла в лице Гагтунгра, я словно бы и забыла, что ты андрогин. Но ты поступил, как и подобает тупому вояке, разрубил и отразил знаки моей любви, и расстрелял влюбленное сердце. Вышло так, что моя энергия человеческой любви вступила в реакцию с твоей энергией войны и произошел неожиданный синтез, о котором я вначале не предполагала. Капли крови, которые упали на твою тунику, впитал твой шельт, и каррох, который поддерживал твой боевой дух видоизменился: он превратился в семя эйцехоре, энергию плотской любви. Ты сам сказал, что неожиданно почувствовал ко мне что-то вроде симпатии, и рука твоя не поднялась, чтобы добить меня окончательно.

– Но почему же ты тогда так яростно сражалась? – перебил ее Алеф.

– Потому что ненавидела тебя за то, что ты не понял моих чувств, стал тупо уничтожать мои информопакеты, которыми я пыталась объяснить с тобой. Женщина не должна открыто говорить об этом первая. Теперь ты все знаешь и можешь превратить меня в облако астрального дерьма, но знай, ты уже никогда не станешь прежним, видит Люцифер, я сама не ожидала такого эффекта.

– И что со мной произойдет? – по-прежнему тупо спросил Алеф, – я расформируюсь? Но я диагностировал рану – утрата энергии незначительна...

– Нет, мой милый, – с плохо скрываемым торжеством улыбнулась Лилит, – ты обрешь мужской пол и перестанешь быть ангелом. Правда, что ты с этим станешь делать в астрале, я даже не представляю, в Эдеме и остальных восходящих сакуаллах астрала – такие пуританские нравы! Думаю, Иегова не станет этого терпеть и вышвырнет тебя вон из Эдема, как вышвырнул Адама и Еву за то, что их шельты обрели пол задолго до нисхождения в Энроф. Впрочем, почему думаю, я знаю, что будет именно так, Эдем не место даже для самых невинных астральных любовных игр. А теперь можешь нанести последний удар – сама того не желая, я сильно тебя подставила.

– И кем же я стану? – словно не слыша ее провокационных предложений, уже с несвойственной ангелам грустью спросил Алеф.

– Ты возможно станешь ТИТАНОМ, исполином, третьей силой, свободной душой. Но тогда в тебе появится неудержимое желание обрести плотное тело, родиться на земле, в Энрофе, стать основателем могучей расы, которая будет властвовать в плотном мире, а в последствии – не только в нем. Титан не может быть счастлив в астрале.

– Ты все знала заранее, – с трудом проговорил Алеф, – откуда?!

– Сейчас я читаю страницы будущего, поскольку иногда могу подключаться к Матрице цивилизации и Провиденциальному плану. Так распорядилась судьба, когда Иего создавал

мою душу из духовной материальности Сириуса. Но знания эти раскрываются передо мной не по моему желанию, а когда созревает ситуация. Выходя сегодня в буфер на твой воинственный зов, я понятия не имела, к чему это приведет. Так же я понятия не имею, как поступит со мной, после моей выходки Гагтунгр. Сам он считает себя в праве делать все, что сочтет нужным, но не терпит, когда кто-то делает что-то вопреки его воле и планам.

– Ты же совсем недавно говорила о свободе ваших демонов, данной им князем тьмы, – усмехнулся нифилим, – ты лгала?

– Говорила... – с трогательной улыбкой пожала плечами Лилит, – не лгала, а сообщила лишь часть правды. Они действительно думают, что свободны, но это, разумеется, их иллюзия и ничего не меняет. Их мозги не способны понимать, что происходит в действительности, а Гагтунгр не заинтересован, чтобы их иллюзии развеялись.

В этот момент нифилим вытащил из складок туники маленький огненный шарик и швырнул в Лилит. Казалось, преодолев колебания он принял окончательное решение о расформировании Лилит, и воительница едва сдерживая страх, зажмурилась. Однако через мгновение стало понятно, что ангел задумал совсем иное: невидимое силовое поле, окружавшее Лилит, вспыхнуло и осыпалось тонким пеплом к ее ногам. Женщина встала во весь рост (она была значительно ниже ангела, впрочем в астрале это не имело значения) и произнесла:

– Спасибо, мой дорогой, но возможно лучше было, если бы ты меня добил. Гагтунгр не простит моих чувств к тебе, к тому же такой разворот событий его ни в коей мере не устроит: он жаждет заполучить в свое распоряжение земное человечество, перекованное под его представления о целесообразности и для своих целей. Возникновение гордой могучей расы – о чем прямо говорится в Провиденциальном плане Матрицы, чьи строки я вижу отчетливо, как наяву, его никак не может обрадовать: с возникновением расы титанов у него возникнет еще одна серьезная проблема.

– Неужели все решено? – опустил крылья Алеф, – я ведь еще ни к каким окончательным выводам не пришел.

– Но ты уже все чувствуешь, а то что Иегова прячет от вас информацию Провиденциального плана – он сам себе судья.

– Что ж, – сказал нифилим с какой-то обреченностью, – я должен все обдумать на досуге. Ты свободна, смелая женщина!

– Я сейчас менее свободна, чем когда-либо, – грустно вздохнула Лилит, – в страсти мне пока пути нет, я не самоубийца, нужно чтобы все улеглось, в Свет меня тоже не пустят, я слишком перегружена каррохом. Остается один путь... но о нем я скажу тебе чуть позже, когда ты придешь к какому-то решению.

– Тебе решать, – поднял голову нифилим, – сейчас я чувствую, что во мне действительно происходит что-то необычное... однако приятное... я словно бы меняюсь изнутри. Но я еще не готов... я не знаю, что мне с этим делать. Я должен увидаться со своими ближайшими друзьями, рассказать им все... если, конечно, они захотят со мной говорить. Но в то же время я уверен, что обязательно должен увидеть тебя снова.

– Когда мы увидимся снова, – серьезно посмотрела снизу вверх Лилит, – и ты будешь готов, я расскажу тебе о моем плане и что тебе делать дальше, чтобы пророчество сбылось, и твои тайные, едва начавшие созревать мысли осуществились. А пока до встречи, мой любимый!

С этими словами Лилит слегка взлетела в верх и поцеловала нифилима, губы которого доселе никогда не знали нежных касаний. Впрочем, и эти касания были не совсем настоящими, поскольку настоящий любовный поцелуй мог произойти только между существами, имеющими плотные тела. Словно бы смутившись, хотя ранее это чувство не было ему присуще, нифилим резко развернулся, и не сказав слов прощания, взлетел и быстро скрылся среди звезд-

ных крупниц астрального неба. Куда он полетел можно было только догадываться. Лилит же осталась в черном пространстве одна, и задумчиво посмотрев в след нифилиму, произнесла:

– Ты, князь, не знал, что женщины не прощают, и ты еще пожалеешь, что растоптал мою любовь и преданность! Что ж, раз я не могу отомстить своими руками – пусть это сделают мои могучие потомки.

Тут она, словно бы спохватившись, замолчала и быстро полетела в сторону прямо противоположную той, где скрылся нифилим Алеф.

ГЛАВА 4. Падшие ангелы

Огромный, почти обнаженный атлет с перепоясанными чреслами стоял посреди серого базальтового ландшафта и словно бы чего-то ждал. В этой могучей фигуре еще угадывались черты нифилима Алефа, только теперь он был без крыльев, исчезли верхние одежды, с которыми прежде его астральное тело составляло единое целое – в точности, как у известных нам Фейри, а фигура и лицо стали чисто мужскими, приобрели монументальность и точеный рельеф. Впрочем все это была лишь астральная причудливая игра энергий, и Алеф, переставший быть нифилимом, еще и не стал титаном, но его шельт прото-титана уже свидетельствовал, каковым станет его плотное тело в случае, если ему удастся воплотиться в Энрофе. Как любопытное дополнение можно добавить, что и набедренная повязка теперь не составляла с его телом единого целого, и имела декоративно-маскирующую функцию, поскольку бывший ангел имел теперь огромное мужское достоинство, которое ему нередко мешало, не сдерживаемое набедренной повязкой. Впрочем и это было условностью, и причудливой игрой энергий и означало, что, помимо прочего, бывший нифилим получил чувство стыда, которое и материализовалось в пресловутую повязку.

Ландшафт, посреди которого возвышался Алеф, мог бы узнать еще один персонаж нашего повествования – первочеловек Адам, но стоит упомянуть, что история Алефа происходила несколько ранее и упоминание Адама носит скорее риторический характер.

Алеф стоял посреди пустынного лунного ландшафта, испещренного малыми и большими кратерами, но стоит упомянуть, что находился он не в пространстве лунного Энрофа, а в ближайшем к нему отражении, полностью его повторяющем. Впрочем, как ангел, Алеф имел уникальное для астральных существ свойство выходить и в сам Энроф, как это могли делать астральные Адам с Евой, после того, как были изгнаны из Эдема, но не получили еще плотных тел. Правда в астрале ему было гораздо комфортней, он и так слишком много времени теперь проводил в физическом пространстве, и испытывал там довольно неприятное чувство нехватки энергии, но о его нынешнем положении мы расскажем в свое время.

Тем временем круглая дыра ближайшего лунного кратера осветилась серебряным светом (как раз таким, каким светит луна в полнолуние на земле), и через мгновение в освещенном пространстве из глубины всплыла смуглая фигура, лишь слегка прикрытая дымными полупрозрачными одеждами, и в ней не так легко было узнать стремительную воительницу, по подбородок закованную в глухие, но гибкие доспехи. Знакомая Алефа дышала чувственностью и соблазном, в коем образе мы уже видели ее в восточном алькове вместе с Адамом.

Увидев смуглую диву, атлет сделал стремительный шаг навстречу, протянув к ней руки, но в последний момент что-то удержало его, и Алеф скромно склонил голову, несмотря на то, что смотрел на Лилит с вожделением.

– Ты послала мне приглашение, и я явился, произнес он низким, отнюдь не ангельским голосом, – ты наконец можешь сообщить мне что-то важное? Но сначала объясни, почему ты назначила встречу здесь, на этом отшибе, вдали от главных колец и магистральных путей Шаданакара?

– Ты сильно изменился, милый, – словно бы не слышала его вопрос Лилит, глядя на Алефа с плотоядной улыбкой, – и мне не стыдно, что в твоей метаморфозе есть и моя скромная роль. И не буду отпираться, я этим искренне горжусь, хоть и понимаю, что произошло все очень неожиданно, и ты сам подсознательно выбрал свою судьбу. Прости, что подала весточку так нескоро после нашей встречи, мне все это время было сильно не до того – и это предыстория к тому вопросу, который ты мне задал: что заставило назначить мне встречу на таком отшибе. Все дело в том, что это теперь единственный шрастр, где мне разрешено обитать, и совершенно заказаны все земные шрастры, как, разумеется, и восходящие сакуаллы. Я и весточку-то сумела

тебе послать только потому, что виновник моего плачевного положения очевидно решил, что я совершенно смирилась со своей судьбой, и снял изолирующее поле – все же его постоянное поддержание требует немалой энергии, а она никогда не бывает лишней.

– Произошло то, что ты тогда предполагала? Это месть Гагтунгра?

– Не месть – наказание, месть – слишком эмоциональная категория, а мой бывший возлюбленный утверждает, что полностью лишен подобных слабостей. Но я думаю, что он немножко лукавит и выдает желаемое за действительное. В общем – это моя ссылка, и ни с кем из духов темной иерархии я не имею права общаться, а я так люблю светское общество. Вероятно он рассчитывает, что я когда-нибудь раскаюсь, смирю гордыню и приползу к его ногам вымаливать прощения... как бы ни так, еще не известно, кто у кого будет его вымаливать.

– Ты серьезно? – с некоторой иронией посмотрел на демоницу Алеф, – и как же ты его заставишь? Уж не собираешься ли накопить в одиночестве Силу, достаточную, чтобы сразиться с ним один на один?

– Ты так и остался прямолинейным воякой, – мягко положила ему руку на локоть Лилит, – разумеется, нет, князь тьмы – иерарх высшего порядка, Сила идет к нему через арку-портал звезды Антарес, и он сам решает, сколько темной Силы оставить себе, а сколько распределить между своими подданными. Он патриарх темной стороны Шаданакара, и выше него в планетарном фрактале никого нет, как нет выше Логоса Шаданакара со стороны Светлой Силы. Сколько бы я ни копила энергию – это всегда будет лишь малая толика той Силы, которую он контролирует в шрастрах. Но женщина, даже самая отчаянная воительница, сильна не столько своей грубой силой, сколько совсем другим – когда-нибудь ты это сможешь понять, но пока ты слишком малое время пробыл астральным мужчиной и тебе еще слишком долгое время предстоит постигать природу женщин.

– Женщин, – пожал плечами Алеф, – до недавнего времени я в астрале, кроме тебя, ни одной женщины не встречал. Да, кажется Ева на земле к таковым относится, я видел ее неоднократно, но впечатления на меня она не произвела... кажется – на Адама тоже... и еще... но об этом чуть позже.

– Не сравнивай нас, – вздохнула Лилит, – у нее есть важнейшее преимущество, чего нет у меня – физическое тело, что делает ее полноценной женщиной! Я же так, призрак бесплотный, облачко принявшее облик женщины, как, собственно, и ты, Алеф.

– В этом я с тобой согласен, опустил голову прото-титан, – в последнее время я все больше и больше об этом думаю и не случайно... я ведь, как и ты, изгнан. Твои предположения сбылись в точности, Иегова изгнал меня в Энроф, стоило мне после встречи с тобой возвратиться в Эдем. А в чем была моя вина? В том, что я по независимым от меня причинам, выполняя свой долг, получил заряд семени эйцехоре и стал меняться? Но я ведь поступил по уставу! Теперь я имею полное право заявить: Иегова враг мой, как твой – Гагтунгр, и этот позор изгнания я никогда ему не прошу! Правда я куда более свободен в передвижении, чем ты, но путь в Эдем мне заказан, как и во все восходящие сакуаллы Шаданакара. Зато теперь Энроф – в моем полном распоряжении... но мое положение там ущербно, я там оказываюсь в положении голодного духа, мне постоянно не хватает естественной энергии, я даже подумываю – не начать ли мне забирать ее у животных. Это так унижительно для воина, я ведь не вампир, не асур, мне противна сама идея паразитизма. Утешает только то, что я в любой момент могу выйти в ближайшее к Энрофу отражение и в буфер. К тебе, как видишь, я добрался без проблем. Кстати, стыдно признаться, но теперь я имею доступ даже в шрастры, словно я асур какой... и не подвергаюсь за это санкциям. Иегова меня тем самым к темным приравнял.

– Ну и как ты нашел шрастры? – усмехнулась Лилит, – ты ведь все равно темных не возлюбил, несмотря на предательство со стороны пантократора, и имел все шансы устроить в Инферно серьезную заваруху! Несмотря на потерю статуса ангела, боевых навыков ты, похоже, не растерял, – смерила она взглядом громадные (хоть и условные) мускулы атлета.

– Нечего мне в шрастрах делать, – буркнул Алеф, – да, темных после моей трансформы я не возлюбил, но больше не намерен воевать на стороне Логоса, я теперь сам по себе, меня не трогай – и я не трону. Ну а насчет предательства Иеговы... все же о предательстве здесь речь не идет, надо быть объективным: он не держал на меня зла и был крайне расстроен произошедшим. Мое изгнание было вынужденным, но я все равно считаю его несправедливым, наверняка он мог найти какой-то другой выход из ситуации, вместо того, чтобы делать меня изгоем. А теперь я ни Богу свечка, ни черту кочерга – ни вашим – ни нашим.

– А почему ты считаешь, что это был вынужденный поступок Иеговы? – Лилит, похоже, знала ответ, но хотела получить его из уст Алефа.

– Я стал заразным, моя милая, уж не знаю, специально ты все так подстроила, или, как ты говорила, все произошло спонтанно, и ты не знала, к чему твой обстрел гаввахом приведет.

– Я не знала о том, к чему приведет наш поединок, – сказала Лилит, – ты способен прочесть в моем сердце: я не лгу, но когда произошла частичная трансформация твоего боевого карроха в семя эйцехоре, ко мне по непонятной причине стала приходить информация о будущем. Теперь у меня есть план, касаемо твоей и моей судьбы, если ты, конечно, согласишься на его осуществление. Но ты сказал, что стал заразным... тебе об этом пантократор сообщил? Я бы не стала его словам доверять.

– Да нет, я имел возможность убедиться. А насчет Иеговы – ты не права, он никогда не опускается до лжи, разве что иногда что-то не договаривает... Впрочем довольно часто. Но по-моему это не только ему присуще, да и вообще, с солдатами нельзя быть излишне откровенным.

– Ну и каким же образом ты убедился, что заразен? – женское любопытство просто распирало Лилит, либо она ждала подтверждения тому, что предполагала.

– Все произошло вскоре после того, как мы с тобой расстались. Еще до того, как я попытался вернуться в Эдем, я встретил своего лучшего боевого друга, его зовут Гимел. Он встревожился, что я долго не возвращаюсь из буфера, хотя мое дежурство давно закончилось, и вышел проверить, все ли у меня в порядке. Как положено в нашей ангельской среде, мы крепко обнялись при встрече... этого оказалось достаточно... теперь я, видит Логос, не один, правда выгнали Гимела из Эдема сравнительно недавно, его трансформация происходила значительно медленнее, чем моя и, как он впоследствии рассказал, стало известно об этом далеко не сразу... Впрочем, почему я говорю «он»?

– Ты хочешь сказать... – вытянулось лицо Лилит, – а впрочем, почему – нет? Очевидно, такова была его непроявленная потенция...

– Именно так, он превратился в прото-титана женского пола, так что у меня появился не только друг, но и сестра, что меня несказанно обрадовало.

– Но далеко ли братские чувства ты испытываешь к своему... то есть к своей боевой подруге?

– Что ты хочешь сказать, – нахмурился атлет... впрочем ты права, – опустил он голову, – не совсем братские, – однако не смей бить в мое больное место, между нами не может быть ничего такого! Как это может быть с тем, кто не раз защищал твою спину в сражении и не раз спасал от расформирования... впрочем, как и ты его... ее... тьфу ты, совсем запутался...

– Так, так, интересно, так он... то есть теперь она какое-то время пробыла в Эдеме нераспознанной?

– Достаточно долго, ну а меня Иегова выявил и выпроводил из Эдема сразу, как только я сунулся в Эдем, я даже ни с кем из ангелов не успел поговорить. Интересно, а почему у Гимела это так долго в скрытой форме происходило?

– Наверное переданный тобою заряд был куда меньше, я то к тебе чувствовала сильное влечение, несмотря на то, что ты был тогда андрогином, даже не знаю, как такое могло случиться, – лукаво глянула на Алефа Лилит, – но можешь не волноваться, я не ревную к твоей

подруге... пока... хотя, не знаю. Видишь ли, в Матрице цивилизации, из которой я теперь спонтанно получаю прогнозы, есть информация, что скоро вашему полку прибудет. К этому необходимо подготовиться, и у меня возник план, о котором я собираюсь тебе рассказать. Собственно для этого я тебя сюда и вызвала, поскольку уже имела предварительную информацию о случившемся, но не знала деталей и хотела подтверждения.

– И что теперь будет? Впрочем я догадываюсь...

– Что касается первой части, то да, скоро все нифилимы будут изгнаны из Эдема, но серафимов и херувимов это, похоже, не коснется – Иегова успел предпринять меры защиты остальной части ангельского воинства. А теперь, собственно, то, ради чего я, собственно, вызвала тебя сюда. Разумеется, если ты доверяешь мне и веришь, что я желаю тебе и твоим собратьям нифилимам добра. Если нет – то дальнейший разговор не имеет смысла.

– Видишь ли, – с расстановкой сказал Алеф, – сам факт того, что нифилим освободил представителя темной стороны и не отправил его на расформирование говорит о том, что мы теперь кровно связаны и я тебе полностью доверяю. В противном случае мы бы сейчас с тобой не беседовали. Это не говорит о том, что я теперь стал на темную сторону и готов сражаться вместе с тобой против своих бывших собратьев. Но что касается всего остального – я готов сотрудничать с тобой, я не сужу больше Логосу и Иегове.

– Только сотрудничать? – лукаво улыбнулась Лилит, – Впрочем наши задачи на данный момент выше личных отношений, которые, собственно, и не успели сформироваться. Речь идет о судьбах Энрофа, да и не только его. Скажи, что ты чувствовал, находясь в физическом пространстве земли? Ну, естественно, помимо желания выпить энергию из чего-то, вернее, кого-то, утолить свой голод?

– Знаешь, это странное чувство, очень противоречивое. С одной стороны, как я говорил, чувство энергетического голода, и если следовать здравому смыслу, нечего туда и соваться, тем более, если имеешь возможность сколько вздумается путешествовать по отражениям, буферу и даже, если возникнет необходимость, заглянуть в шрастры. Но как только я выхожу за пределы Энрофа, меня начинает неодолимо тянуть туда, и кажется, нет места лучше в Шаданакаре, а доводы рассудка – не срабатывают. Даже не знаю, в чем причина, наваждение какое-то

– Все верно, дорогой, – лицо Лилит стало серьезным, – ты подсознательно хочешь там материализоваться, обрести плотное тело, жить полноценной жизнью могучего мужчины, основателя рода. Об этом я тебе вскользь упоминала, и теперь ты убедился в этом воочию. Тот, кто однажды вышел в Энроф из отражения уже никогда не сможет освободиться от безудержного влечения в это пространство. Особенно это становится сильным у шельта, обрявшего пол. Должна тебе признаться, я испытываю те же чувства, поскольку была сотворена женщиной для жизни в Энрофе, и как и ты, жажду получить плотное тело, но, в отличие от тебя, прекрасно осознаю это.

– Но как это возможно? – вздохнул прото-титан, – всякое плотное тело на земле имеет душу, и когда душа покидает его – тело умирает, и нет никакой возможности занять его, поскольку собственная душа покидает плотное тело только тогда, когда оно уже не способно функционировать, как живое. Есть, конечно, возможность получить алхимическое тело, выращенное из биологической клетки, но никто, кроме Иеговы и его преемницы Мерцающей, пребывающей в его бывшем теле, этого никто сделать не может. И просить их об этом – не самая лучшая идея.

– Есть и другой путь, – Лилит внимательно глядела в глаза Алефа, – родиться на земле от земной матери и отца...

– Но каким образом?! Я знаю только двух людей на земле (может есть и другие, но мне они неизвестны), Адама и Еву, и они уже длительное время никак не могут обзавестись потомством, к отчаянию Иеговы и его наместника в Энрофе.

– Не могут, потому, что не хотят, – вставила Лилит.

– Я знаю о принципе свободного выбора, и понимаю тот факт, что они никогда не захотят иметь детей! И никакие уговоры и насилие не помогут – они вместе остаются только потому, что им деваться друг от друга некуда.

– Вот тут у нас имеется некоторая лазеечка, и это один из начальных этапов моего плана, – положила Лилит ладонь на руку Алефа, – дело в том, что наши с Адамом души были созданы в одно время из духовных материальностей звезд Бетельгейзе и Сириуса, которых чрезвычайно влечет друг к другу в космическом масштабе. Адам был с самого начала в меня влюблен, но я избрала другой путь. О нем ты знаешь. Собственно потому он и не может любить Еву, а поскольку души их сотворены из одной и той же материальности Бетельгейзе, то они не испытывают друг к другу изначального притяжения – получилось два плохоньких плюса... или минуса. Я знаю, что в случае, если Адам встретит меня, он побежит за мной на край света, бросив свою Еву не задумываясь.

– Не совсем понимаю, куда ты клонишь, – после паузы сказал Алеф, – душа Адама прочно связана с его телом, и способна воспринимать только мир Энрофа. Иегова специально ограничил их восприятие, чтобы их души часом не захотели покинуть свои вместилища. А о том, что существуют иные миры и измерения – к этому они должны прийти сами в далеком будущем. Но ты же не имеешь плотного тела, как ты можешь вступить в контакт с Адамом и возбудить в нем былую любовь? Кстати, мне непонятно, зачем она тебе нужна, вы теперь существа разной природы.

– Не мне, а нам, – сказала Лилит в упор глядя на Алефа, словно пытаясь внушить ему какую-то мысль.

– А я-то здесь причем? – нервно рассмеялся Алеф, – признаюсь... право, может это стыдно, но я сам имел некоторые планы на тебя. Мы теперь существа сходной природы и оба имеем половую принадлежность... ты же сама убеждала меня в том, что я возбудил в тебе чувство любви!

– погоди, не все сразу, – мягко осадила его Лилит, – а как же твоя боевая подруга? Ты сам говорил, что имеешь к ней чувства не только братские.

– Я не знаю, я запутался, меня и к ней тянет и к тебе... в зависимости от того, кто ближе.

– Э, да ты в душе своей развратник, – погрозила ему Лилит пальчиком, – а что будет, когда из Эдема выпрут остальных нифилимов, которые скоро превратятся в прото-титанов мужского и женского пола? На что я могу рассчитывать при таком обилии соблазнов? А я, между прочим, королева и ни с кем не желаю делиться! Ну а если серьезно, то все гораздо сложнее, и планы у меня грандиозные, далеко выходящие за пределы нашей личной страсти друг к другу. К тому же, в астрале страсть неполноценна, настоящая любовь возможна у существ, имеющих плотные тела, и именно обретения плотных тел, полноценного проявления нас с тобой в Энрофе касается мой план... и в дальнейшем речь будет идти не только о нас с тобой. Сразу оговорюсь, что к алхимическому выращиванию биологических организмов это не имеет отношения. А план мой таков: я собираюсь занять плотное тело Евы и зачать от Адама ребенка на земле, вернее – детей, для начала будем говорить о двоих, и души, которые войдут в эти эмбрионы, которые начнут созреть в моем теле... бывшем теле Евы – будут твои и Гимел души. Да, да, у меня родятся близнецы, мальчик и девочка, Алеф и Гимел. В дальнейшем вы дадите основание могучему роду титанов, которые сотрясут небо и землю, потеснив из Шаданакара обоих – Иегову и Гагтунгра. Души нифилимов одухотворят тела ваших с Гимел потомков.

Алеф долгое время молчал, как бы переваривая услышанное, затем сказал:

– Но ведь душа Евы не может покинуть свое тело, пока оно не разрушено – в этом основная трудность вселения в плотное тело.

– Я знаю способ, – сказала Лилит, и поведала Алефу свой план, с которым читатель уже познакомился в сцене беседы Лилит с Адамом, который Лилит на текущий момент лишь вына-

шивала – таким образом, – закончила она, – Ева сама отдаст мне свое тело, усыпленное соком дикорастущего мака. Этим соком угостит ее супруг. Матрица цивилизации сообщает мне, что этот вариант событий – самый вероятный. Если же я ошибаюсь... что ж будем выискивать другие пути.

– Допустим, это тебе удастся, – с расстановкой произнес Алеф, – но что-то мне подсказывает, что в земном браке между братом и сестрой есть что-то противоестественное... и согласится ли Гимел?

– Ничего противоестественного, – рассмеялась Лилит, – эти предубеждения возникнут позже, а между прочим в информации, взятой из Банка Исторических Вероятностей я сейчас ясно читаю: это – королевские браки, они будут распространены в семьях фараонов, властителях Египта... да и не только там. Позже лишь христианство – весьма ущербная религия – будет расценивать подобный брак, как смертный грех. И что б ты знал, – тут она, словно кошка сладко выгнула спину, – в некоторых странах – например Элладе – возникнут прецеденты, правда более редкие, между матерью и сыном... читаю незнакомое мне прежде имя Эдип. Так что, милый, не вижу ничего невероятного, если в будущем в плотно-телесной форме между мной и тобой на земле возникнет любовная страсть... это никак не помешает твоему браку с сестрой Гимел.

Глаза Алефа сверкнули, тело напряглось, однако он взял себя в руки.

– Мне не ясно только одно, – перевел он щекотливую тему, – каким образом ты собираешься обольстить Адама, будучи на данный момент астральным существом?

– Тут мне понадобится твоя помощь, – посерьезнела Лилит, – ты, посещая последнее время Энроф знаешь, что все плотно-телесные существа, включая людей, в отличие от нас, астральных духов, нуждаются в сне, когда плотное тело покоится, а шельт выходит в некоторые сновидческие отражения. В таком состоянии спящий может общаться с тонкоматериальными существами, правда общение это достаточно убого, поскольку сознание спящего в сновидческих отражениях сильно замутнено. Другое дело, если шельт спящего попадает в шрастр или восходящую сакуаллу – тогда это уже не сон а астральный выход, и сознание такого астрального путешественника ясно и отчетливо, подобно дневному. Я собираюсь встретиться с шельтом Адама в подобном месте, а если точнее – перенести его шельт из сновидческого отражения в лунный шрастр, мою нынешнюю одинокую обитель. Здесь он меня несомненно узнает, любов его вспыхнет с новой силой, а я уж постараюсь внушить ему все то, что я тебе рассказывала по поводу наркотического усыпления Евы. Вся беда в том, что Гагтунгр внимательно меня контролирует, да и у сновидческих отражений земли патрулируют серафимы и не пропустят никого постороннего. Но ты имеешь доступ и в отражения и в сам Энроф, поэтому, чтобы я смогла добраться до Адама, предлагаю скомпоновать мой шельт в информопакет и спрятать его в твоём шельте. Ты беспрепятственно проникнешь в сновидческое отражение земли, там я захватываю шельт Адама, ты переносишь нас обоих обратно, в лунный шрастр, а остальное предоставь мне. Когда осуществится то, что я задумала, я подам тебе сигнал, каким я вызвала тебя сюда, через твой астральный маячок, и вы с Гимел проникнете в мою (бышую Евы) плотно-материальную матку, где будут развиваться два зародыша, и войдете в них: ты в мужской, Гимел – в женский. Останется только дождаться родов и мы встретимся с тобой, милый, в качестве матери и дитя... но будем уже другими.

– Да... – проговорил Алеф после долгого молчания, – но ведь мы тогда родимся обычными человеческими детенышами, а не титанами. Что ты на это скажешь?

– Ты не прав, дорогой, – пожала плечами Лилит, – земная плоть подчиняется законам генетики, а я, пребывая в школе магических наук у Гагтунгра, изучала способы энергетического воздействия на генофонд живого существа. Достаточно изменения некоторых хромосом у Евы, а я, прежде, чем завладею ее телом, подвергну ее ДНК соответствующей обработке. Во первых я не желаю, завладев ее телом быть похожей на эту клушу – она постепенно пре-

вернуться в мою копию, – Лилит картинно переплела руки и выпятила большую чувственную грудь, – ну и, разумеется, изменю ее генофонд таким образом, чтобы развивающиеся во мне человеческие эмбрионы были способны принять души титанов. Так что можешь не беспокоиться: бывшая Ева, будущая Лилит родит двух исполинов.

– Ты все предусмотрела, – произнес Алеф, – остается только одно – уговорить Гимел – а друг она не согласится?

– Ты еще плохо знаешь женщин, – усмехнулась Лилит, – уж если на это согласился мужчина, то женщина – и подавно! Можешь не сомневаться, она питает к тебе гораздо более нежные чувства, чем ты к ней. Ты ведь для нее – единственный мужчина, а она для тебя – нет.

– Ты все знаешь, – в очередной раз был вынужден признать Алеф, – ну что ж, похоже другой дороги у меня нет. Когда я должен доставить тебя в сновидческое отражение Земли?

– Прямо сейчас. На земле глубокая ночь, а над Синаем, где под толстой смоковницей спят Адам и Ева, светит луна. Нет смысла откладывать наш план на потом, – подчеркнула она слово «наш», – к тому же нет гарантии что в дальнейшем Гаттунгр снова не заблокирует лунную брамфатуру. Ты готов?

– Готов, – коротко ответил Алеф, – хотя, минуточку! А как же человечество? Ведь в Провиденциальном плане ему отводится ведущая роль! Но если родится раса титанов, то мне непонятно...

– Нисколько одно не противоречит другому. Титаны станут чрезвычайно просвещенной расой и в совершенстве овладеют наукой генной инженерии... клонирования. Из обычной соматической клетки организма Адама – пусть даже к тому времени он умрет – можно будет воссоздать его живую копию, а из моего тела – бывшего тела Евы – копию ее тела... или мою – это не существенно. Вот тебе новый квази Адам и новая квази Ева... все же, наверное, Ева, не Лилит. Их дети будут обычными людьми. Думаю, они станут вашими слугами... раса господ должна иметь гораздо более многочисленную популяцию слуг. Что будет дальше? В такие туманные дали будущего Матрица меня пока не посвящает. Больше вопросов нет?

– Никак нет, – по военному вытянулся в струнку Алеф.

– Тогда, поехали!

Лилит очертила вокруг себя туманный круг, и в то же мгновение превратилась в собственную маленькую плоскую копию, которая висела посреди круга в воздухе напротив груди Алефа. Бывший нифилим осторожно поймал эту плоскость двумя пальцами, затем приложил к своей груди, и словно переводную картинку с пластиковой пленки, перевел изображение Лилит себе на кожу. Получилась достаточно натуральная временная татуировка, которая станет модной среди детей 21 века. После этого Алеф вознес руки горе, в черном лунном небе возник портал, и прото-титан был затянута туда словно бы огромным пылесосом вместе со своей смуглой спутницей, превращенной в

вытатуированное изображение.

ГЛАВА 5. Блокировка и выход

– Срочно возвращаться! – была первая мысль Мерцающей, когда восточный альков развеялся, а это означало, что Адам проснулся и в ближайшее время ринется исполнять замысел Лилит, – ты все продумала, змея, однако не предполагала, что за тобой кто-то будет наблюдать, помимо Гагтунгра. Интересно, как будет оправдываться Адам, когда я сообщу ему о преступном плане одурманить Еву и всём том, что за этим должно последовать? Скорее всего он скажет, что знать ни о чем не знает, и мои обвинения беспочвенны – я ведь никогда не говорила ему, что могу видеть его сны и читать его мысли, так что «не пойман – не вор». Нужно позволить ему сходить за маковыми головками и поймать его на месте преступления, когда он предложит жене испить опиум, о свойствах которого он понятия не имеет. А впрочем, возможно – и не предложит, ведь Ева стала подозрительной в отношении его, скорее всего он подольет наркотик в обычную воду или еду. Вот тогда я его и застукаю! А что потом? Сделать вид, что после произошедшего все может идти по-прежнему, как будто ничего не случилось? Или рассказать Еве? Но это же напугает ее до смерти, и о каких отношениях после этого вообще может идти речь? Нет, ничего не поделаешь, придется стереть ему память, чтобы о сегодняшнем сне он абсолютно забыл, пусть все будет идти по-прежнему, как до сегодняшней ночи, а там постараемся каким-то образом решить и проблему взаимоотношений, не верю, что бы она была неразрешима! В конце концов им совместно еще около тысячи лет предстоит жить, все еще сто раз переменится, и с возрастом они непременно захотят иметь детей. Вот только Лилит... как быть с ней? Ну ничего, разберемся! Хоть она пока и не нарушила Равновесие – замыслы не наказуемы – но в процессе осуществления своих замыслов непременно его нарушит, и тогда последуют неминуемые санкции, тем более и Гагтунгр не станет ее выгораживать, она ведь и ему собирается изрядно насолить. – (Мерцающая бы еще больше укоренилась в этой мысли, если бы знала о заговоре Лилит с бывшим нифилимом), – ладно, хватит, срочно возвращаюсь!

Ранее было достаточно одной мысли, что бы шельт Мерцающей мгновенно оказался в теле лимурийца, которое при этом тут же выходило из транса, но сейчас ничего подобного не произошло: Мерцающая как была в пространстве ближайшего отражения к лунному Энрофу, так в нем и осталась.

– Так, – мелькнула в ее сознании изумленная мысль, – что не так? Я же не начинающий астральщик, а иерофант, и хожу, где хочу, разумеется в рамках Договора. Ах, да это же лунная брамфатура, и косвенно находится под патронажем Гагтунгра, и хоть Лилит в статусе ссыльной, тем не менее здесь она его, хоть и опальная, но наместница. Неужели он или она заблокировали здесь мой шельт? Но это немыслимо, я не нарушала сознательно Равновесие, я отслеживала сновидческое путешествие Адама и оказалась здесь случайно. Никто не в праве заблокировать шельт иерофанта даже в этом периферийном шрастре, который толком и Гагтунгру не нужен. Неужели он не понимает, что за такое ему хранители кармы на столетия энергию из Антарес перекроют?

Мерцающая стала вспоминать, как поступают начинающие астральщики в том случае, если не удастся возвратиться в тело мгновенно, по велению мысли... и не смогла, казалось, ей всегда достаточно было только подумать о возвращении в тело с любого уровня астрала, как это мгновенно осуществлялось – это было проще простого и всякие специальные техники, которыми пользуются начинающие маги, давно забылись.

– Ну что ж, – подумала Мерцающая, – спокойно, необходимо обнаружить причину, – и она сдвинула точку сборки на диагностику неполадков. Для этого нужно было увидеть свое тело (тело лимурийца), сидящего в трансовом состоянии и просмотреть те пространственные помехи, которые не позволяют шельту вернуться в свое неповрежденное тело. Тело лимурийца преспокойно сидело в своей специфической позе на каменном полу дольмена, и ника-

ких энергетических повреждений, которые могли бы препятствовать возвращению Мерцающей обратно – не было. Тут к своему крайнему удивлению, она увидела и другую картинку, хотя настроилась только на свое тело, то, что совершенно не вписывалось ни в текущий момент, ни в историю, которую она, казалось, переживала в течении многих миллионов лет: в густом мрачном лесу среди высоких хвойных деревьев на буром мху сидела молодая светловолосая девушка в какой-то странной одежде и так же пребывала в трансе. Лицо этой девушки показалось Мерцающей чрезвычайно знакомым и родным, хотя это противоречило всякому здравому смыслу: на земле она знала только одну женщину, имеющую плотно-материальное тело – Еву, и та ни лицом ни фигурой, ни тем более одеждой не напоминала девушку, что держалась сейчас на мысленном экране Мерцающей. К тому же и место было явно не из тех широт, где могла находиться Ева, а, судя по растительности, гораздо севернее. Собственно, Мерцающая видела две картинки, двух сидящих в медитативной позе существ, и оба они, как ни удивительно, пришли на запрос Мерцающей о состоянии ее физического тела, и объяснения этому она не находила.

Тут в ее сознании – как она считала – сознании лимурийца Иего прозвучало слово «Мерцающая», а затем: «бифуркация, выход из петли Гистерезиса».

В это мгновение ее сознание прояснилось и она осознала причину невозможности выхода своего шельта из лунной брамфатуры, словно ответ пришел от этого второго тела, светловолосой девушки в странной одежде. Во-первых она поняла, что лунную брамфатуру заблокировал все же Гагтунгр, причем никак не нарушая своих полномочий, поскольку не знал, что в этот момент там находился шельт Мерцающей. Он считал, что вновь заблокировал шельт Лилит (незадолго до этого первоначальная блокировка была им снята), поскольку заподозрил в ее поведении что-то неладное, но тем не менее, опоздал: Лилит, благодаря Алефу, уже покинула лунную брамфатуру, и находилась в отражении Энрофа земли – а значит ее план начал успешно осуществляться. И второе: Мерцающая вдруг осознала, каким образом преодолеть мощнейшую блокировку Гагтунгра и вернуться в тело лимурийца: странно, что этот способ не приходил к ней в голову до сего момента – словно бы информация о его существовании так же пришла к ней от этой белокурой девушки. В ее сознании возникла схема создания параллельного пространственного рукава – некой коллатерали, через которую ее шельт сможет вернуться в свое тело, минуя блокировку Гагтунгра. Это возможно сделать с помощью создания ментальной черной дыры, которая на входе полностью прерывает связь с текущим причинно-следственным потоком, а на выходе – открывает другой причинно-следственный поток. К чему это может привести она в данный момент не думала, и тут же принялась за осуществление этой магической операции: техника была хорошо ей знакома, ведь будучи Иего, она не раз создавала индивидуальные творческие миры в отдельной реальности, в самостоятельных пространственных рукавах. Когда же ментальная черная дыра распахнулась в пространстве лунной брамфатуры, Мерцающая мгновенно исчезла из этого пространства, а с ней захлопнулась и черная дыра, выпустив шельт Мерцающей уже в другом причинно-следственном пространственном рукаве. Собственно, она этого никак не почувствовала, осознав только, что вернулась в тело лимурийца, сидящего в медитативной позе на полу гигантского дольмена. Нельзя было терять ни минуты и Мерцающая взвилась в воздух, забыв окружить себя грозовой тучей, перед тем, как предстать пред очи своих земных питомцев. Буквально через несколько секунд она очутилась рядом с раскидистой смоковницей, под которой лежали мужчина и женщина, причем женщина спала, а мужчина, похоже, только открыл глаза, и с несказанным удивлением вперился в великана человеко-динозавра, которого он не видел со времен младенчества на земле. Не давая ему ни на секунду прийти в себя, Мерцающая мгновенно просканировала его не до конца еще пробудившийся мозг, и увидела все те картинки, которые повторяли его недавний сон и сговор с Лилит, а так же почувствовала его твердое намерение осуществить задание демоницы. Мерцающая понимала, что осуществляет насилие над свободной лично-

стью, которое, возможно приведет к какому-то нарушению Равновесия, однако сейчас было не до этого, и она стерла в памяти Адама и сегодняшний сон и образ Лилит, и твердое намерение напоить Еву млечным соком дикорастущего мака, и когда все это произошло, сознание Мерцающей, в последний раз осознавшее себя, как сознание лимурийца Иего, погрузилось в темноту...

.....

ГЛАВА 6. Снова у моря вечности

...когда же темнота разорвалась в клочья, то не было уже ни Иего, ни Мерцающей, но была девочка Аня, помнящая все свои перипетии до того момента, как ее шельт вошел в гигантское тело лимурийца. Впрочем и то, что было потом, описанное нами в истории Иего-Иеговы-Яхве она тоже прекрасно помнила, как и то место, где совершенно неожиданно оказалась, хоть планы ее были совершенно иные... впрочем об этом месте чуть позже.

– О Господи, – подумала Аня в смятении, еще до конца не уязывающая свое настоящее состояние и груз той величественной вселенской судьбы, к которой она, как выяснилось, имела самое прямое отношение, – но постойте, я же должна остановить Адама, спасти Еву... ах, да, я это уже успела сделать. Или это такой сон грандиозный? Но такого ни в одном сне привидится не может...

Тут она поняла, что если до сего момента видела сон, то явно сейчас еще не проснулась и сон продолжается, где она, правда, находилась в уже куда более скромном статусе, чем буквально минуту до этого.

Десятилетняя девочка в белом летнем платьице с короткими рукавами стояла на берегу прозрачного аквамаринowego моря и осознавала, что была здесь уже множество раз, и что оказывалась здесь всегда, когда в судьбе ее древней души намечался очередной крутой разворот. И вот еще совсем недавно она ощущала себя могущественным божеством, демиургом, отчасти создателем земного мира, а сейчас она снова – неизвестно кто, неизвестная девочка на берегу астрального моря и ждет каких-то очередных перемен. Не успела она подумать о божестве, как словно кто-то заставил посмотреть ее в зенит и высоко в небе она увидела огромного белого голубя в ореоле еще более белого света, и голубь этот спускался кругами вниз. При этом он словно бы и не увеличивался в размерах, нарушая тем самым все законы перспективы. В следующий момент он завис над поверхностью моря и Аня снова не могла понять – далеко этот голубь находится от нее или близко.

Тут она услышала голос, который явно исходил от голубя, хоть он вроде бы и не смотрел в ее сторону и не раскрывал клюв, и единственное, что в этот момент Аня знала наверняка – это то, что это голос Яхве, и что сейчас все ее вопросы получают исчерпывающий ответ... или что их станет еще больше.

– Здравствуй, Мерцающая, – прозвучало в ее сознании, – вернее уже не Мерцающая, ведь ты вернулась в магистральный причинно-следственный поток. Благодарю тебя за все тобой сделанное... хоть и странно благодарить за то, что сделано более пятидесяти тысяч лет назад.

– То есть как, пятидесяти тысяч?! Тут какая-то ошибка, – удивилась Аня, – если я что-то важное и сделала, то только что, буквально несколько минут назад.

– В этом великий парадокс временной бифуркации, – казалось, голубь улыбается, – ты вернулась в место пересечения временной петли Гистерезиса, и скачок был мгновенным, в действительности все, в чем ты, как тебе казалось, принимала участие, произошло в далекой древности – по крайней мере по вашим, человеческим меркам, и только сейчас я имею возможность все тебе рассказать и объяснить. К этому времени семена мировой кармы созрели и дали плоды. Начну свой рассказ с глубокой благодарности, которая так же должна была прозвучать более пятидесяти тысяч лет назад, но тогда еще ничего не случилось – ты лишь посеяла причинные семена. Благодарю тебя от имени Логоса Шаданакара, который в данный момент не может здесь присутствовать, за то, что будучи в физическом теле лимурийца Иего, спасла магистральный путь эволюции Шаданакара от самого разрушительного сценария, который мог предполагать Провиденциальный план – а ведь семена этого сценария уже начинали прорастать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.